

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Bye-bye,
baby!

Виктория Евгеньевна Платова

Bye-bye, baby!

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155973
Bye-bye, baby!: Астрель, АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-104568-5

Аннотация

Елена всё поняла. Она видела, как он лжет и прячет глаза. Слушала, как он сбивчиво и невнятно оправдывается, что должен съездить в свой родной город. Он был отвратителен и жалок. И еще ей мучительно хотелось увидеть ту, ради которой он сейчас вот так унижительно врал. И увидела. Они встретились на горнолыжном склоне. Она ни о чем не догадывалась, охотно шла с Еленой на контакт, брала у нее уроки катания и совсем не боялась крутых заснеженных трасс. Совсем не боялась. Потому что ни о чем не догадывалась. Совсем ни о чем...

Содержание

От автора	5
Bye-bye, baby!..	7
Домино	77
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Виктория Платова

Bye-bye, baby!

© Платова В.Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От автора

...Эта книга задумывалась как сборник рассказов. Потом один из рассказов по непонятным причинам разросся, и получилась повесть, и подзаголовок изменился тоже. Теперь он выглядел как «Рассказы и маленькая повесть». А потом, когда была поставлена последняя точка, я вдруг подумала: эти рассказы не могут существовать отдельно друг от друга. То есть могут, конечно, но... Мир в них окажется неполным, необъемным, а история – недосказанной. Так иногда бывает: маленький, ничего не значащий эпизод с нашим участием подталкивает и направляет судьбы других людей. Точно такие же, ничего не значащие эпизоды есть и в жизни этих других. И возможно, со временем слово, невзначай брошенное ими, или поступок, которому они не придали значения, кардинально изменит и нашу судьбу. Через цепочку других поступков и слов. Опосредованно. Или напрямую. Таков уж наш мир: все в нем взаимосвязано, и всем правит рок, и то, что кажется нам случайностью, на самом деле – закономерность.

Об этом книга.

И еще – о любви, как и любая другая книга. В основном – о любви. Всегда единственной, всегда счастливой и всегда несчастной, потому что другой любовь быть не может. Так думала я, когда писала ее. И был еще зимний звонок

от моего старого вгиковского друга, с которым мы долгие годы мечтали снять свое собственное зашибись-кино. Он, этот мой друг, абсолютно киношный, абсолютно востребованный, лучший в своей профессии человек, все время забывал, что я давно не сценаристка и просто писать мне нравится гораздо больше, чем писать сценарии. «У тебя есть чего-нибудь классное, что можно снять?» – спросил он. «Сценариев, как обычно, нет, как насчет рассказов? Почитай, может, понравится, сгодится как материал».

Я не успела передать ему эти рассказы. Зимой его не стало, он умер внезапно и страшно несправедливо. А значит, наша старая юношеская мечта о зашибись-кино никогда не воплотится в жизнь. Да и сложись все по-другому, она бы все равно не воплотилась – есть такие мечты, которые так и остаются мечтами. Жаль только, что он не прочел эту книгу – просто так, без дальнего прицела. Кое-что в ней ему обязательно бы понравилось, я знаю это точно. Те места, где речь идет о любви. Абсолютно разной любви, настигшей разных героев и в разное время, и всех их соединившей.

Такие дела...

Bye-bye, baby!..

* * *

...Для того чтобы петь под дождем, много мозгов не требуется, это мое глубокое убеждение.

Есть еще несколько занятий, которые также необременительны для умственной деятельности: изучение итальянского по биркам на белье, снятие макияжа, субботний шопинг, набойка каблучков, прослушивание саундтрека к «Kill Bill», секс с водопроводчиком. Мастурбация в душе требует гораздо большего воображения, чем секс с водопроводчиком, и *этой твари* она не по зубам.

Ей не по зубам:

- автомобили с механической коробкой передач,
- воздушные змеи,
- кроссворды с фрагментами (кто помнит о том, что они когда-то существовали?),
- уход за карликовой сосной,
- приготовление кофе по-турецки,
- фильм «Селина и Жюли совсем заврались». Ей не по зубам и многие другие вещи, большинство вещей, но это не утешает меня. Не может утешить. Я никогда не видела ее, я

даже не знаю, как ее зовут, но хорошо знаю, как она пахнет.

«Ангел» Тьерри Мюглера.

Этот запах преследует меня, слишком вызывающий, слишком самоуверенный, слишком тяжелый для двадцатилетней. Именно так – ей *двадцать*.

А мне сорок. Я выгляжу на тридцать, но это никого не может обмануть, мне – не двадцать.

«Двадцать» – ключевое слово. Все остальное не имеет значения: мой бизнес, оставшийся от бывшего мужа (гламурный журнал и модельное агентство при нем), счет в банке, три языка, сертификат по дайвингу, поездки в Африку на сафари, поездки в Милан на показы, горнолыжное снаряжение по цене «Боинга», лифчики по цене автопогрузчика, коллекция вин, коллекция примитивной латиноамериканской скульптуры, а неделю назад я обнаружила крошечное пигментное пятно. Между большим и указательным пальцами на левой руке, – ничего удивительного, мне уже сорок. И Влад больше не любит меня.

Вряд ли он страстно любил меня, когда мне было тридцать семь, но тогда он по крайней мере не изменял. В тридцать семь я выглядела на те же тридцать, без всяких усилий, без всяких подтяжек, две пачки сигарет в день, крепость утреннего кофе зашкаливает, крепость вечернего виски зашкаливает, крепость ночного флирта зашкаливает, я встретила Влада себе на беду.

Ровно три года назад.

Со дня годовщины прошла неделя. По иронии судьбы она выпала на тот самый день, когда я обнаружила пигментное пятно, – и впервые за три года Влад забыл поздравить меня. Эта среда стала роковой, до этой среды я еще на что-то надеялась, связь с двадцатилетней мерзавкой не может быть серьезной, убеждала я себя, ей просто нечего противопоставить моим лифчикам по цене автопогрузчика, да и носит ли она лифчики? В двадцать можно обойтись и без них. И без коллекции вин, и без сертификата по дайвингу, в двадцать тебя любят просто потому, что тебе двадцать. Других причин нет.

Все дело во взгляде, говорит Шамарина. Шамарина – моя школьная и единственная подруга. Расползшаяся до пятьдесят шестого размера Шамарина, мать двоих детей и клиническая неудачница. Шамарина работает бухгалтером в маленьком турагентстве, не прогорающем только потому, что их VIP-клиентом являюсь я с моими мальчиками из журнала и моими девочками из агентства, это – единственное, что я могу сделать для Шамариной. За последние десять лет она не взяла у меня ни копейки – ни в долг, ни просто так, это ее принцип. «Давай не будем омрачать нашу дружбу товарно-денежными отношениями», – говорит Шамарина. «Я беру взятки только борзыми щенками», – говорит Шамарина. Щенка породы мастино – вот что мне удалось-таки втюхать Шамариной за последние десять лет. Впрочем, теперь это уже не щенок, теперь это лошадь Пржевальского, гово-

рит Шамарина. Лошадь откликается на имя Тришка и очень удивилась бы, что при рождении ей было дано другое имя с двумя приставками «фон»; имя, не уместяющееся и в трех строках ее собачьего паспорта. Тришка и Тришка – и в этом вся Шамарина. Еще у нее имеются два кота, Кузька и Васька, так же зовут ее детей.

Все дело во взгляде, говорит Шамарина, у двадцатилетних взгляд двадцатилетних. Наивный, дерзкий, горящий, мерцающий, жадный, ищущий приключений, ищущий, чего бы пожрать, ищущий любви, ищущий одиночества (и любовь, и одиночество – благо, когда тебе двадцать), «а не курнуть ли нам травы?» – легко читается в этом взгляде, «а не угнать ли нам тачку?», «а не пошли бы вы на хрен, мэм?».

Взгляд двадцатилетних нельзя симитировать, говорит Шамарина. Даже когда тебе двадцать пять.

Мне – сорок.

И Влад больше не любит меня.

Ты должна была быть к этому готова, говорит Шамарина. Каждый, кто рискнул завести себе любовника на тринадцать лет моложе, должен быть готов к этому.

Я оказалась не готова.

Не то чтобы я совсем уж исключала такую возможность, нет. Тем более что я все еще выгляжу на тридцать, а Влад на свои проклятые двадцать семь, так что разница сократилась до трех лет, которые мы знаем друг друга. Я бросила курить – на второй день после знакомства с Владом, на четвертый –

записалась в фитнес-клуб, еще через две недели купила абонемент в плавательный бассейн. Я встретила свою любовь во всеоружии, холодном, огнестрельном, тактическом, стратегическом, в гонке вооружений равных мне нет.

Он не мог устоять. И он не устоял.

Провинциальный мальчик с неправильным прикусом и роскошным телом жиголо, брюнетистый подлец, мужчины такого типа не обещают женщинам ничего, кроме страданий, говорит Шамарина. Я влюбилась в него сразу, я готова была страдать.

А он... Он и не пытался выглядеть влюбленным. Он просто переспал со мной – на второй день после знакомства. На четвертый – перенес ко мне свои вещи, уместяющиеся в небольшой спортивной сумке (я даже не пыталась узнать, где он жил до этого). Еще через две недели он сменил спортивную сумку на спортивный автомобиль, и я сделала его заместителем главного редактора.

Нужно отдать должное Владу: сам он не требовал ничего. Ни спортивного автомобиля, ни должности. И не стал впадать в лицемерное негодование, когда получил их, – уже за одно это я была ему благодарна. Он не был глупым. Недостаточно умным, чтобы сделать карьеру самому, без чьей-либо поддержки, – да. Но не глупым. Он был естественным, его естественность – вот что сражало наповал, вот что было *его* стратегическим оружием. Он был заботлив, но без навязчивости, нежен, но без приторности, он обладал редким

для мужчины качеством: быть рядом именно тогда, когда ты нужен, не раньше и не позже, а в тот самый момент. И потом... он оказался фантастическим любовником. Что-то подобное я предположила сразу, как только увидела его. Впрочем, «увидела» – не совсем точное слово. Я влюбилась в звук его голоса, еще не видя. Все, что он спросил у секретарши, – примет ли его директор агентства. Дверь в кабинет была приоткрыта – в этот момент все и началось. В лицо мне подул морской бриз, и горячий ветер пустыни, и холодный ветер предгорий, и множество других ветров с нежными именами, их никогда не запоминаешь, но всегда хочешь ощутить их дыхание.

Снова и снова.

Тогда-то я и почувствовала себя живой. Восхитительно живой, с песком, набившимся в туфли, с солью, набившейся в кожу, со свежесодранным коленом, с царапиной на запястье, с леденцом во рту, с музыкальной шкатулкой в сердце. Все, о чем я мечтала в детстве, сосредотачивалось на этой музыкальной шкатулке, и вот теперь, спустя столько лет, я ее получила.

Если бы не секретарша, я переспала бы с ним сразу, я занялась бы с ним любовью прямо в кабинете, на столе, на полу, – если бы не секретарша...

Секретаршу я уволила на следующий же день.

Я распустила бы и все агентство, и журнал в придачу – чтобы не искушать судьбу, – я гильотинировала бы всех

красоток, чтобы устранить малейшее препятствие на пути к Владу, но крайних мер не потребовалось. Моделью он не стал. И не потому, что не хотел стать. Первое же портфолио, которое мы состряпали для Влада с Женькой, нашим ведущим фотографом, получилось провальным. Любивший себя в искусстве Женька расстроился настолько, что запил горькую и на три дня вылетел из графика. Я застала его в ирландском пабе с бутылкой русской водки, Женька почти рыдал и клялся, что дело не в нем, и не в объективах, и не в фильтрах, и не в свете, с этим все в порядке, с этим все *trus bien*, – все дело в мясе. «Мясом» Женька называл модели, которых приходилось снимать, все эти смутные объекты желания с ключицами и щиколотками, не существующими в природе, с губами богинь, с глазами фарфоровых кошек; все дело в мясе, сказал мне Женька.

Все дело в мясе, а мясо – с гнильцой. Тут и Жиль Бенсимон почувствовал бы себя профнепригодным (модный фотограф Жиль Бенсимон был fashion-идолом Женьки), на снимках Влад не выглядел уродом, его роскошное тело было при нем, но черт возьми! – смотрелось оно совершенно непристойно. Это не была непристойность порнографии, это была... это была непристойность смерти. Непонятно, откуда шло это ощущение, но от него невозможно было избавиться, как будто по тебе ползали не самые приятные насекомые, как будто тебе в ноздри забивалась земля, как будто из век у тебя пробивались корешки, бледные, немощные, как будто во рту у

тебя стоял привкус болотной воды.

Женьку я уволила через неделю после секретарши и постаралась забыть о нем. И о снимках, которые он сделал. И – забыла. Влада не любит камера, пусть так. Но его люблю я – и этого достаточно. За три года жизни вместе он ни разу не заставил меня пожалеть ни о чем, за три года меня обдували самые разные ветра, и все они были прекрасны, и царапина на запястье так и оставалась царапиной, и леденец у меня во рту не таял, и музыкальная шкатулка играла, играла, играла... И мы все еще оставались любовниками, мы так и не выбрались из первой фазы отношений, когда желание заставит тебя в самых неподходящих местах, и ты совершенно не в силах ему сопротивляться. Чилл-ауты в клубах, заднее сиденье машины, лифты, последние ряды в кинотеатрах, тамбуры в поездах, туалеты в самолетах – мы перепробовали все, были и совершенно экзотические места типа музейного зала мастеров раннего Северного Возрождения, и совсем уж экзотические ситуации, когда мы с Владом однажды прервали переговоры, отправились в комнату для совещаний и сделали *это* там.

Три долгих года я была счастлива.

И вот теперь все рухнуло.

Из-за двадцатилетней твари, которая увела моего Владу. Последнюю неделю я развлекаю себя тем, что придумываю ей все новые и новые эпитеты: мерзавка, липучка, дрянь, дешевка, девочка на шекель, пионовый фонарь, дур-

ная кровь, глубокая глотка, давай-сделаем-это-по-быстро-му-сучка, рикша из Шанхая, графиня из Гонконга, сирена Миссисипи, новобрачная была в черном, бей первым, Фредди, прощай, моя наложница; имеются в наличии и другие эпитеты – непечатные.

Фильм недели: *«Господи, что я сделала, чтобы заслужить это?»* (арт-хаус).

Композиция недели: *«You don't know how much you can suffer»* (кул-джаз).

Книга недели: *«Замки гнева»* (постмодернистская срань).

Сок из свежесжатых апельсинов, зубные щетки, дверные ручки, тостер, ершик для унитаза, шесть из семи латиноамериканских скульптур, кофейные зерна, эпилятор, беговая дорожка, антицеллюлитный массажер – все в доме пропитано чертовым «Ангелом» Тьерри Мюглера. Я готова поклясться, что и сперма Влада пахнет «Ангелом», и это он, Влад, принес запах в дом. Протащил, протиснул, приволок, утвердил, водрузил, в жизни моей мне не было так плохо.

Меня тошнит от этого запаха, прущего изо всех щелей.

И ничто не может его перешибить.

Сюрреализм ситуации заключается в том, что несколько лет назад, еще до появления Влада, точно такого же «Ангела» я подарила Шамариной на День взятия Бастилии, я хорошо помню светло-голубой флакон в форме звезды (так изображают звезды дети и слепые) – с двумя вытянутыми лучами. Шамарина посчитала запах слишком претенциозным

для своего пятьдесят шестого размера и отдала духи сыну Ваське, с условием, что он подарит их своей подруге Дашке, которая нравилась Шамариной. Васька же сбавил духи второй своей подруге, Симке, которую Шамарина на дух не выносила.

На этом следы «Ангела» затерялись во времени, и я и представить себе не могла, что когда-нибудь он снова всплывет.

Посещение парфюмерного, куда я, проклиная себя, зашла, чтобы еще раз увидеть врага в лицо, облегчения не принесло. «Ангелы» (все в тех же флаконах) стояли на полке между «Magie noire» и чем-то совсем уж цветочно-бессмысленным, кажется – «Diorissimo». Они стояли на полке, падшие, с вероломно сложенными крыльями, и имя им было – легион.

Двоих из легиона я приобрела, чтобы тут же размозжить им головы у стены соседнего дома: стеклянные осколки брызнули во все стороны, и мне на секунду стало легче. И я уже подумывала о том, чтобы отправиться за следующей партией, когда позвонила Шамарина. Я всегда ценила ее за честность, она была честна и сейчас.

– Только что видела твоего, – сообщила мне Шамарина. – В мексиканской забегаловке на Фонтанке.

– И что?

– Он там не один. С девушкой.

– И что?

– Тебе в подробностях? – Безжалостный тон Шамариной не предвещал ничего хорошего.

– Валяй подробности.

– Она не старше двадцати. Симпатяга. Еще подробности?

– Валяй.

– Они целовались. Еще подробности?

– Еще. – Я должна была остановить Шамарину именно в этом пикантном месте или чуть раньше, но не сделала этого, я с каким-то сатанинским остервенением решила двинуться навстречу собственной гибели.

– Они целовались взасос. И он кормил ее с рук. И вообще, они чуть столик не опрокинули... Ну, ты же знаешь, как это бывает.

О да, я знала, как это бывает. Я знала это очень хорошо. Я знала, что такое летать, что такое парить – над тайским супом с креветками, кус-кусом, курицей в соусе терияки, паэльей и сыром манчехо; я знала, что такое «кормить из рук», от этого «кормить» сердце мое выпускало ростки, они отпочковывались и превращались в такие же сердца, только маленькие. И маленькие сердца бились, стонали и подрагивали в каждом уголке моего тела, они забирались в горло и совершали головокружительный спуск в пах, они звенели, они вскрывали музыкальную шкатулку моего большого сердца острыми перочинными ножами, и я все, все прощала им ради упоительных секунд, минут, дней, недель, лет.

Теперь же я была не намерена прощать – никому и ничего,

а «целоваться взапас»... Об этом лучше не думать.

– Ну, ты как там? – запоздало забеспокоилась Шамарина.

– Я в порядке.

– Слава богу! Я ведь предупреждала, душа моя: тот, кто решил завести себе любовника на тринадцать лет моложе, должен быть готов ко всему.

– Я в курсе. – Неужели это мой голос? Пустой, как сгнивший орех, бесцветный, как лак, которым пользовалась моя секретарша. Хорошо, что я ее уволила...

– Ты все-таки как?

– Я же сказала – в порядке.

– Ну и забей. Я ведь предупреждала, душа моя: мужчины такого типа не обещают женщинам ничего, кроме страданий.

– Иди в жопу, – вяло посоветовала я.

– Ты действительно в порядке, – обрадовалась Шамарина. – Я просто решила: лучше бы тебе узнать об этом от меня, чем от кого-нибудь другого. Предупрежден – значит вооружен. А вообще, подобных мудаков нужно отсекал хирургическим путем, я всегда так делала. Р-раз – и готово.

Хирург из Шамариной оказался никакой. Хреновый хирург. Одним ударом она отсекала мне голову, выпотрошила грудную клетку, и все мои маленькие сердца грохнулись оземь. И задохнулись, как рыбы без воды. И музыкальная шкатулка грохнулась, за три года я так и не поняла, что она там наигрывала. Теперь же в ее осколках я обнаружила мелодию «*You don't know how much you can suffer*».

«Ты даже не знаешь, как сильно ты можешь страдать». Соло на саксофоне – Жан Моркс. Аллилуйя!..

До того как Шамарина позвонила мне, наличие маленькой твари с привкусом «Ангела» относилось к разряду субъективных факторов, его можно было списать на мою мнительность, предменструальный синдром или последствия ломовой работы в журнале и агентстве. Сейчас я лицом к лицу столкнулась с объективной реальностью. Сломанная музыкальная шкатулка по совместительству оказалась ящиком Пандоры, и демоны, так долго в ней скрывавшиеся, вырвались на волю.

– Ты на машине? – Оказывается, Шамарина и не думала отключаться.

– Что?

– Я спрашиваю – ты на машине?

– На оленях... А что?

– Я в том смысле... Ты могла бы подскочить в этот чертов кабак. Накрыла бы их тепленькими.

– Ну да, ну да... А что ты там делала?

– Не поняла?

– Что делала ты в этом чертовом кабаке? – Я была близка к тому, чтобы возненавидеть несчастную Шамарину, а заодно ее детей, ее котов и ее лошадь Пржевальского.

– Как что? Я зашла туда пожрать. Что еще можно делать в кабаке?

– Ты права. Что еще можно делать в кабаке... Только

жрать.

– Так ты поедешь туда?

– Не знаю. Да... не думаю... Нет.

– Мне приехать? – Все-таки Шамарина была настоящей подругой.

– Не знаю. Да... не думаю... Нет.

– Определись, душа моя.

– Слушай... У меня хренова туча дел. Я позвоню, когда освобожусь.

Я не стала слушать дальнейший сострадательный лепет Шамариной. Я отключилась. То есть – отключилась полностью, в прямом смысле слова, ничего, кроме могильного холода; ничего, кроме червей, хозяйничающих в моей пустой диафрагме; ничего, кроме бамбуковых кольев, пригвоздивших мое тело к мокрой глине.

Сырость. Темнота. Смерть.

Спустя какое-то время я обнаружила себя стоящей в пробке на Фонтанке. До кабака, о котором говорила Шамарина, было рукой подать, и при желании, даже несмотря на пробку, я могла бы оказаться там минут через десять, в худшем случае – пятнадцать. Я могла бы ворваться в гнусный вертеп, сочащийся острыми соусами, босановой и флюидами моего парня, моего бойфренда, моего Большого Брата; флюидами, поток которых направлен совсем не на меня. Я могла бы это сделать, но... представить все последующее не составило большого труда: разъяренная фурия, прочно за-

стрявшая в возрастном промежутке от тридцати до пятидесяти, ловит с поличным своего молодого любовника. Далее – со всеми остановками – нелицеприятное выяснение отношений с привлечением божьей матери и иных матерей, столовых приборов, посуды, а также гитары и маракасов, с боем вырванных у квартета псевдобразильцев, исполняющих «Девушку из Ипонемы» in live в сорока трех вариантах.

Театр кабуки. Шоу «Звезды Сан-Ремо в Кремле». Твою мать.

Нет, такой радости я не доставлю. Ни официантам, ни литографиям Сапаты, развешанным по стенам, ни квартету псевдобразильцев, которые обслуживают кабака. Ни самому Владу.

Его автомобиль я заметила сразу, на стоянке у кабака. Кой черт – его, это была моя – моя! – тачка. У Влада не было ничего своего, кроме спортивной сумки, его и самого не было, это я создала его. Вылепила и вытесала. Вымыла и высушила. Заставила думать не только головкой члена. Сволочь. Сволочь. Сволочь.

Но ярость, охватившая меня, улетучилась так же внезапно, как и возникла.

Я просто не в состоянии ненавидеть Влада.

Я могу ненавидеть все что угодно: раннюю зиму, позднюю весну, изюм, туфли на шпильках, индийские благовония, молочную пенку, междометия «йоу» и «бла-бла-бла», привычку Шамариной ковыряться спичками в ушах, пеки-

несов, Джулию Робертс, стойкое идиоматическое выражение «твоя бритая киска впирает меня не по-детски», герлбэнд «Atomic Kids», проколотые пупки, шотландскую волюнку, перфомансы и инсталляции (свят-свят-свят!), но ненавидеть Влада я не могу.

Только бы он не увидел меня.

Только бы они не увидели меня.

Только бы я не увидела их.

Выходящих из кабака, держащихся за руки, молодых, прекрасных, целующих друг друга взасос... Лучше об этом не думать.

Я не увидела их. Я благополучно проехала мимо.

Я не увидела их, но увидела множество других, молодых и прекрасных. Город казался переполненным совсем юными людьми, оккупированным ими; выбросившим белый флаг и сдавшимся на милость победителя. Я и не подозревала, что в Питере такое количество молодняка. Разодетого в куртки самой немислимой расцветки, потягивающего пиво из самых немислимых банок, украшенного ногами самой немислимой длины. Их африканские косички стягивали мне горло, их татуировки жгли мне тело, их джинсы и банданы расстреливали меня в упор, только молодость имеет право на существование, говорит Шамарина.

И она права.

Ничего нового в этом шамаринском откровении нет, редакционная политика моего журнала исповедует те же прин-

ципы – и будь они прокляты, эти канареечные дольче-габбановские принципы. Трижды прокляты, с сегодняшнего дня, с сегодняшней минуты.

Ты не должна ненавидеть молодость только потому, что она пахнет духами «Ангел», говорила я себе.

Ты не должна ненавидеть молодость только потому, что твой любимый человек предпочел двадцатилетнюю, говорила я себе.

Все это было похоже на мантры, на заклинания шамана, на аутотренинг, цена которому три копейки. Мантры облегчения не приносили. Внутри меня зрела боль, и я никак не могла приспособиться к ней. Малейший поворот головы, едва заметный взмах рук – все приносило страдание, нужно перетерпеть, сжать зубы и перетерпеть, не ты первая – не ты последняя, боль не может продолжаться вечно, когда-нибудь да отпустит, и ты снова сможешь дышать, ходить, улыбаться; напрасные стенания – мозг мой разъедала опухоль, но еще оставалась призрачная надежда, что Влад спасет меня. Нужно только поговорить с ним, и он спасет меня. Остались же в нем какие-то чувства, не могли не остаться, пусть их будет немного, на самом доньшке: этого хватит. На ампулу, на дозу, на обезболивающий укол. Я почти физически ощущала, как в вену втыкается игла, наполненная остатками чувств Влада, и по телу разливается блаженный покой, и боль уходит, уходит...

– Ты еще любишь меня? – спросила я на следующее утро

после годовщины, с которой он так меня и не поздравил.

– О чем ты? – Влад казался застигнутым врасплох.

– Ты еще любишь меня?

– Люблю, конечно. – С той же интонацией он мог сказать все что угодно: «закрой дверь», к примеру, или «говенная была киношка». Но он сказал – «люблю, конечно».

– У тебя кто-то появился, милый?

– С чего ты взяла? Не говори глупостей.

– Мы не спим уже почти месяц.

Влад ухмыльнулся. Не улыбнулся – именно ухмыльнулся, его верхняя губа по-волчьи вздернулась, и из-под нее на секунду блеснула полоска зубов, беспощадных, ослепительно-белых. Все-таки прикус у Влада неправильный.

– Что-то такое я слышал о повышенном либидо сорокалетних женщин.

– Не смей говорить мне о моем возрасте! – взорвалась я. – Слышишь, не смей!!!..

– Ну что ты, – испугался Влад. – Успокойся. Просто неудачная шутка... Прости. Последние два месяца были трудными, этот проект с джаз-клубом... Ты же знаешь, детка...

– Не смей называть меня деткой!

Детка. Когда-то это умиляло меня, заставляло совершать глупости; пару лет назад, вдохновленная его «деткой», я свистнула в лиссабонском отеле «**Marques De Pombal**» два бокала и полотенце. «Детка», вот как, вот оно что. Лучше бы

он ударил меня наотмашь.

– Ну что с тобой?

– Я не детка, милый. Я сорокалетняя баба.

– При чем здесь «сорокалетняя баба»?

– При том, что ты завел себе девку. Шлюху.

– Глупости.

– Значит, это не так? Значит, у тебя никого нет, кроме меня?

Спасение было совсем близко. Стоит Владу сказать одно слово, одно-единственное слово, и все станет на свои места, все вернется на круги своя, и я снова буду парить над городом, в небе, заполненном воздушными змеями и сыром манчехо, и любить Влада в лифтах, на подоконниках и на смятых простынях, и во рту у меня снова появится леденец, разве что вкус его изменится – с яблочного на клубничный. Давай, спаси меня, мальчик мой!..

– Значит, у тебя никого нет, кроме меня?

– Никого... – Влад помедлил лишь секунду, и эта секунда стала решающей.

Я поняла: он лжет. Лгут его янтарные глаза, его тяжелый подбородок, лгут его вибрирующие ноздри, каждая щетинка, каждая пора его лица лжет. Спустя полчаса он солгал еще раз – когда трахнул меня. Еще никогда секс с ним не был так отвратителен. С тем же успехом он мог трахать резиновую куклу или одну из латиноамериканских скульптур, стоящих в доме, с тем же успехом он мог забивать гвозди, колоть лед

в шейкере, с тем же успехом он мог менять колесо в машине, которую я ему подарила. Но даже не это было самым страшным, даже не это.

Стоило только взмокнуть его плечам, его подшерстку, как чертов «Ангел» так и попер из него, а в зрачках отразился силуэт женщины. И этой женщиной была не я. К тому же он никак не мог кончить и после унижительной двадцатиминутной возни наконец сдался.

– Ты не в лучшей форме. Придется переходить на трехскоростной вибратор. – Еще никогда я не любила Влада так сильно.

– Прости... Что-то со мной не то в последнее время...

– Да.

– Был тяжелый год. Мы оба устали... дорогая.

– Ничего.

Вот я и перестала сопротивляться, вот я и успокоилась под могильной плитой своей бывшей и единственной любви.

– Ничего, милый... Скоро Рождество, можно будет поехать куда-нибудь, отвлечься от всего...

– Видишь ли... – Влад замялся, засопел и принялся судорожно натягивать на себя рубаху, как будто его обнаженное тело стыдилось моего, такого же обнаженного. – Видишь ли... Я должен съездить домой.

– Я думала, что твой дом здесь, – помертвевшим голосом произнесла я.

– Да, но... Домой – значит к родным, на историческую,

так сказать, родину. Я три года там не был.

Я ничего не знала о прошлой жизни Влада, а он никогда ничего не рассказывал. Я даже не была уверена, есть ли у него родители; к тому же представить, что этот юный полубог появился на свет обычным путем, было несколько затруднительно. Куда естественнее предположить, что он возник из головы змеи, из полуразрушенного термитника, из раковины, из матадорского плаща.

– Забывать родных – последнее дело. Поезжай, милый. И кстати, хочешь, я поеду с тобой?..

Я сказала это скорее просто так, чем преследуя какую-то цель, но лицо Влада исказилось, застыло, а по виску поползла предательская капля пота. Я любила и каплю, в ней – крошечной, дрожащей – был сосредоточен весь мой мир, вся моя жизнь зависела от нее.

– Не думаю, что это хорошая идея. – Он осторожно стряхнул каплю, и весь мой мир тоже рухнул в пропасть. Следом за ней.

– Отчего же? Ты меня стыдишься? Я – твоя постыдная тайна? Ездить с сорокалетней бабой в Амстердам и Лиссабон – можно, а на историческую родину нельзя? Что там растет? Крыжовник?

– Ну при чем здесь крыжовник? При чем здесь сорок лет? Ты и не выглядишь на сорок...

– Прелестный комплимент.

– Давай не будем ссориться, дорогая.

– Я не ссорюсь. Я в бешенстве, – вполне искренне сказала я.

– Не стоит так нервничать. Я и уеду ненадолго, дней на десять максимум. Там проблемы, – туманно намекнул Влад. – И вообще... Мне нужно подумать. Побывать одному некоторое время... Разобраться в себе...

Пока же он разобрался только со мной. Жестко и жестоко, как раз в стиле юных длинноруких полубогов, единственная страсть которых – уличный баскетбол. Кроме того, из своего полуразрушенного термитника Влад выполз не один, у него были хитиновые спутники, и теперь, бессонными ночами, они пожирали мою плоть, роились в голове, да и поездка Влада на историческую родину... Она оказалась фикцией.

Я узнала об этом случайно, пару дней спустя, когда в редакционном коридоре меня остановил Тимур, занимающий в журнале инфернальную должность эксперта по музыкальным стилям. «Влад забыл у меня в кабинете папку» (легкое поигрывание желваками на скулах), «не думаю, что это безотлагательно» (легкое пощипывание подбородка), «вы не могли бы передать ему, босс?» (легкая улыбка). Легкая улыбка означала только одно: «Все мы знаем, что вы спите с этим чесночным плейбоем напропалую, босс, но когда вы делаете это, не мешало бы еще и закрывать дверь на ключ». Совсем недавно, в прошлой счастливой жизни, мы несколько раз попадали в щекотливые ситуации с незапертой дверью, – теперь воспоминание о них лишь усилило боль.

Папку я взяла, тем более что Влад ждал меня внизу, у лифта (мы вместе собирались пообедать), и нас разделяло всего тринадцать этажей. Между двенадцатым и одиннадцатым я расстегнула молнию на папке. Между одиннадцатым и десятым – бегло просмотрела заголовок статьи о клубе «Гравитацапа», а между девятым и восьмым я увидела *это*.

Две путевки в Теберду, на горнолыжный курорт *NN*. Этот курорт был хорошо знаком мне, в наш самый первый год мы уже отдыхали там с Владом: я могла выбрать любой другой курорт, в Австрии, во Франции, но повезла его в Теберду. Я ездила туда много лет кряду, со спутниками и без, скалы Теберды были живописнее любых Альп, ледники потрясали воображение, не слишком обустроенные трассы захватывали дух и повышали уровень адреналина в крови до критической отметки. Это была фантастическая поездка: вывихнутая стопа у Влада, сломанный сноуборд у меня, в хлам зацементированные губы у обоих, что могло быть чудеснее? Только – отправиться туда с девкой. Со шлюхой, липучкой, дешевкой, дрянью.

Верх цинизма.

Разнести в щепы кабину лифта, раскрыть череп Владу – это было бы достойным и вполне понятным выплеском эмоций, но ничего такого я не сделала. Напротив, выйдя – улыбнулась ему самой лучезарной из своих улыбок:

– Я так соскучилась по тебе, милый...

– Мы же виделись пятнадцать минут назад, – недоуменно

пожал плечами Влад.

Влад, Влад, еще месяц назад ты сказал бы мне совсем другое!..

Надо бы перестать обедать вместе, если он больше не любит меня. Надо бы перестать спать в одной постели, если он больше не любит меня. Надо бы перестать жить, если он больше не любит меня.

Перестать жить.

Отличная мысль. Просто отличная.

– ...Ты все-таки решил уехать? – спросила я, когда мы заказали кофе.

– Да.

– На историческую родину?

– Да.

Кто бы мог подумать, что исторической родиной беспородного, шелудивого пса Влада окажется благословенное орлиное гнездо в Карачаево-Черкесии!..

– Имя-то у нее есть?

– Конечно, – промямлил он с неохотой. – Выдропужск.

Город Выдропужск.

Выдропужск, с ума сойти! Крыжовника там точно завались.

– Поеду туда на Рождество.

«Это карачаевский Выдропужск или кабардинский?» – едва не сорвалось у меня с языка.

– Может быть, все-таки возьмешь меня с собой?

– Нет, – отрезал Влад. Так перерезают пуповину, так перерезают веревку, и тело самоубийцы с глухим стуком падает на землю.

– Впрочем, у меня масса работы на Рождество. И я тоже должна буду уехать.

– Куда? – Влад даже не потрудился, чтобы придать своему голосу хоть каплю заинтересованности.

– В Москву, – сказала я первое, что пришло в голову. – Пара фестивалей, пара громких премьер, все это надо освещать. И потом – у меня съемки. Пригласили на передачу.

– А-а...

– Ты не спросил – какую.

– Извини. Задумался.

– Арт-проект для канала «Культура», – соврала я.

– Поздравляю.

– Спасибо.

Влад не удивился, что я сообщила ему о невесте откуда взявшихся съемках в самый последний момент, он не удивился и тому, что я не зову его с собой; у Влада просто не было сил удивляться. Все его силы ушли на девку, шлюху, дешевку, дрянь, на обслуживание ее ненасытных двадцатилетних губ, на составление каталогов ее родинок, на прокладку навигационного курса по ее телу.

...Все последующие дни ушли на то, чтобы *сочинить план*. Поначалу я занялась им, чтобы хоть как-то отвлечься от боли, угнездившейся в организме. Отвлечься не уда-

лось, потому и план получился несколько сюрреалистическим, зыбким, державшимся на честном слове. Я бродила по нему, путаясь в складках пейзажа, то и дело натываясь на нестыковки и неувязки; найти отправную точку – вот что было важно. И я ее нашла.

Эрик.

Эрик был владельцем микроскопического джазового клуба в Амстердаме, наполовину марокканцем, наполовину французом. Я познакомилась с ним задолго до Влада, секс у нас не получился вовсе – может быть, именно поэтому мы стали довольно близкими друзьями. Эрик обожал тайскую кухню (впрочем, он обожал все кухни, кроме голландской), Дюка Эллингтона и русскую ненормативную лексику. «Йоб твойу мат, фью-ю-ю» – именно к этому сводились довольно прихотливые Эриковы взаимоотношения с миром. В его клубе и шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на романтичного гея, жизнерадостных фриков, толерантных любителей марихуаны, порноактрис и трансвеститов, которых хотелось пристрелить. Всех до единого. Кроме того, Эрик вечно подкармливал бездомных подростков-арабов и престарелых, затерявшихся во времени хиппи. Договориться с Эриком не составило особого труда, на телефонный разговор с ним ушло минут двадцать, не больше.

А за пять дней до Рождества и за три дня до вступления в силу горнолыжных тебердинских путевок я выложила перед Владом билет на самолет до Амстердама и внушитель-

ную пачку евро.

– Завтра ты летишь в Амстердам, – тоном, не терпящим возражений, сказала я.

– Это невозможно. – Влад скуксился.

– Ты что, уже взял билеты в этот свой... Китеж-град?

– Выдропужск... Нет, но... Как раз завтра собирался.

– Думаю, твоя историческая родина не провалится в тартарары, если ты посетишь ее чуть позже. Жили же они без тебя столько лет. Так что несколько дней погоды не сделают.

– И чем мне заняться в Амстердаме? – Конфликт со мной вовсе не улыбался Владу. Он хотел решить все полюбовно, сукин сын.

– Джазовый фестиваль. – Я строго придерживалась легенды. – Эрик встретит тебя в аэропорту. Потусуешься несколько дней, соберешь материал на статью – и свободен.

– Это невозможно.

– Я ведь не только твоя любовница, Влад. – Слово «любовница» далось мне с трудом, я едва пропихнула его сквозь зубы. – Я еще и твой босс. Это работа, милый, ничего личного.

– Почему бы не полететь Тимуру? Думаю, он бы не отказался смотаться в Амстердам на пару дней.

Никто бы не отказался смотаться в Амстердам, ты и сам бы не отказался всего лишь какой-то сраный месяц назад. Влад, Влад, неужели ты думаешь, что я поверю, что полумифический Выдропужск, сто выдропужсков, тысяча, стоят од-

ного Амстердама? Просто смех. Не надо парить, как говорит Шамарина.

– Тимур бы не отказался. Но у него нет открытой шенгенской визы. У него нет, а у тебя – есть.

– У тебя тоже есть.

– И у меня есть, ты прав. Но послезавтра я еду в Москву. У меня съемки, ты забыл?

Все, все еще можно было исправить. Скажи Влад: «А почему бы нам не полететь в Амстердам вместе, детка?», или «А почему бы нам не поехать в Москву вместе, детка?», или «Зачем же нам разлучаться на Рождество, детка?» – скажи он это, и я упала бы к его ногам, растворилась бы в его волосах, затихла бы у него на груди. Но Влад не сказал ничего, кроме: «О'кей. Я полечу».

– Тебе плохо? – добавил он, помолчав. – Что-то болит?

Мне было не просто плохо. Я загибалась.

– Все в порядке. Так... Предчувствие раннего климакса. Не обращай внимания. Надо выспаться. Пожалуй, приму сегодня снотворное.

Снотворное. Еще одна деталь пейзажа после битвы, еще один пункт в плане. Я демонстративно выпила на ночь таблетку нитразепама, здоровый сон должен наступить через сорок пять минут и продлиться шесть-восемь часов. Пока я лежала в постели с постмодернистской сранью «Замки гнева» в руках, Влад нарезал круги по дому, время от времени заглядывая в спальню.

– Полежи со мной, – попросила я. – Мне станет легче.

– Конечно.

Теперь, когда Влад прилег рядом, ощущение склепа, в который превратилось мое тело, стало полным. Влад был скован, холоден, неподвижен, но по-другому вести себя в склепе нельзя. Не плясать же там джигу, в самом деле.

Ты меня не обманешь, сукин сын. Ты меня не проведешь.

Закрыв глаза, я размышляла о том, что предпримет Влад, когда я засну: позвонит своей девке или наберется наглости и вообще уйдет из дома.

Он позвонил.

В два часа ночи, когда я начала рубиться без всякого снотворного, Влад выскользнул из спальни. Выждав контрольные несколько минут, я отправилась следом.

Дверь в ванную была приоткрыта, все краны включены. И в шум воды вплетался его приглушенный голос: «...говорю же тебе, беби, я узнал об этом только сегодня вечером... командировка, обыкновенная командировка... ну и что, что Амстердам?.. ну откуда же я знаю, что у нее в голове?.. нет, не получится... самолет утром... вдруг ей придет в голову устроить провожания... не ори на меня... ничего не отменяется, беби... езжай туда сама... а я подъеду чуть позже... обещаю тебе... поскучаешь пару деньков, зато потом... все... я не могу долго говорить... она может проснуться... я буду на связи, беби... да... и я... и я...»

Беби.

Вот как Влад называет свою девку – «Беби».

Она.

Вот как Влад называет теперь меня – «она».

«И я... и я...» И я люблю тебя до умопомрачения. И я умираю без тебя... И я хочу ловить с тобой рыбу, болтать ногами в прохладной воде, есть виноград, пить текилу, глазеть на прохожих, мокнуть под дождем, стрелять сигареты, кататься на колесе обозрения, читать правила поведения пассажиров в метро, стричься, пускать мыльные пузыри, собирать марки, кормить пингвинов пломбиром, быть с тобой, пока смерть не разлучит нас... Будь ты проклят, сукин сын. Будь ты проклят!

«Откуда же я знаю, что у нее в голове...» О, Влад, ты еще не знаешь, что у меня в голове!..

* * *

...Жегалыч встречал меня в маленьком поселке у подножия гор. Отсюда до горнолыжного курорта *MN* было сорок минут езды.

Витя Жегалов, или попросту Жегалыч, числился старым корешем моего бывшего мужа. Лет десять назад он, коренной петербуржец, осел в Карачаево-Черкесии и, кажется, даже женился. Чем занимается Жегалыч на самом деле, я не знала и не хотела знать, нам и без этого хватало тем для разговоров. За то время, что мы не виделись, Жегалыч замет-

но округлился и погрузнел, у него появилось брюшко, которое он (не слишком удачно) пытался задрапировать лыжной курткой.

– Привет, – буднично сказал Жегалыч и чмокнул меня в щеку: так, как будто мы расстались неделю назад и всю эту неделю ежедневно созванивались. – Хреново выглядишь.

– Хреново, – согласилась я.

– Болееешь?

– Смертельно.

– Что, правда?

– Правда. Я смертельно больна, Витюша.

Жегалыч дернул себя за нос и поскреб подбородок. Он поверил мне, сразу и безоговорочно.

– Беда, – только и смог выговорить он. – А у меня двойня родилась. Пацаны.

– Поздравляю, – сказала я без всякого выражения.

– Вот черт... Или дети для тебя больная тема?

– Для меня больше нет тем – ни больных, ни запретных.

Ты... Ты все достал?

– Сделал, как просила.

Жегалыч никогда не задавал лишних вопросов, он вообще не задавал вопросов, за это я и любила его.

– Значится так. Номер для тебя заказан. И держи ключи от машины, она в твоем распоряжении. – Жегалыч пнул ногой по колесу устрашающего вида джипа. Не слишком нового, но добротного. – Присядем?..

Мы забрались в салон и несколько минут сидели молча.

– А остальное, Витюша?

– В бардачке.

– Господи ты боже мой... Как же тебе все удается?

– Что?

– Сплошная нелегалыщина. Сплошной криминал.

– Ну дык... – Жегалыч усмехнулся и подмигнул мне левым глазом. – Это же Кавказ. И связи старого разведчика.

– Ты же в отставке!

– Бывших разведчиков не бывает, – выдал Жегалыч очаровательную банальность. – Слушай... А может, наплюешь на эту гребаную турбазу? Поедем ко мне... Я тебя с женой познакомлю, с пацанами моими... Водки треснем, поговорим по душам... Ты мне про Питер расскажешь, закрылись там рюмочные или нет. Русскому человеку на Кавказе смерть, русскому человеку всегда русского человека не хватает.

– Русскому человеку не хватает мозгов, – не согласилась я с Жегалычем. – И адекватного восприятия действительности. От Бориса ничего не слышно?

Борисом звали моего бывшего мужа. Я не вспоминала о нем тысячу лет, а теперь вот вспомнила.

– Последний раз видели в Париже, под мостом Аустерлиц, в обществе клошаров. Исполнял по просьбе японских туристов «В парке Чаир распускаются розы». А капелла.

– Да ладно тебе! – Жегалыч все-таки заставил меня улыб-

нуться. – Я серьезно.

– А если серьезно... Зачем тебе Бориска? У тебя молодой любовник...

– У меня больше нет любовника. Ни молодого, ни старого. Никакого.

– Эх... – Жегалыч наклонился и приобнял меня. – Люблю я русских женщин...

– Как будто нерусские по-другому устроены.

– А вот и представь себе, что по-другому... У меня ведь было много женщин, самых разных...

Сейчас Жегалыч начнет паять мне, как его ублажали дамочки из племени тутси, японские гейши, сальвадорские партизанки и как завкафедрой славистики Калифорнийского университета делала ему минет.

– Что, и вьетнамки были?

– А то... – Жегалыч раздул ноздри. – Как не быть? Были. Массаж ступней они делают потрясающе.

– Верю на слово.

– А Бориска где-то в Латинской Америке. Ты же знаешь, он всегда был авантюристом.

– Склонным к бродяжничеству авантюристом, заметь.

– Точно. Это ведь только я у печки сидеть люблю... Слушай... У меня есть его электронный адрес. Хочешь дам?

– Нет. Не нужно.

– А анекдот хочешь? Свежатинка. Смешной до жути. Чукча во время ловли нерпы отморозил себе жопу...

– Анекдот тоже не хочу. Тем более что я его знаю...

...Я остановила машину у первого же поворота. И открыла бардачок. Умница Жегалыч не подвел меня: в бардачке лежал плотный непрозрачный пакет, перетянутый шелковым шнуром: крест-накрест. Шнур был завязан на бантик, и этот бантик вызвал у меня умиление. Если внутри окажется еще и открытка «Желаю счастья» (белые хризантемы на красном фоне), я нисколько не удивлюсь.

Кажется, я рассмеялась. А потом вытащила из рюкзака диск «Night Light Jazz» и сунула его в магнитоу.

Вот так. Хорошо.

«My funny Valentine» Бена Вебстера. Пусть будет «My funny Valentine», не век же слушать «You don't know how much you can suffer». А «Мой забавный Валентин» подойдет. Он будет в жилу. Будет в струю.

Мой собственный забавный Валентин парился сейчас в Амстердаме, в обществе фриков и порноактрис, слушал деликатный европейский саксофон и сентенции говоруна Эрика на тему «йоб твою мат». И он даже не знал, как сильно я люблю его. Как невыносимо, как болезненно, до содранных ногтей люблю. Последний раз я видела эти горы, этот снег его глазами, в этих ущельях еще можно было услышать эхо его поцелуев. Если прислушаться.

Но прислушиваться я не стала, я дернула за конец шнура.

В пакете лежал промасленный сверток, а в свертке – пистолет. Тускло блестящий «макаров», восемь патронов в

обойме, звездочка на рукояти. Стоило мне только взять пистолет в руки, как боль, все последние недели не отпускавшая меня ни на минуту, притихла, струсила, сжалась до размеров горошины. И сконцентрировалась в правом виске.

Искушение было так велико, что я на секунду прикрыла глаза. Почему бы и нет? Почему бы не покончить все разом? Прямо сейчас. Поднести дуло к виску и выпустить пулю прямо в очаг боли. Трасса здесь довольно оживленная, так что найдут меня быстро. Тело отправят в Питер первым же грузовым рейсом, мальчики из журнала и девочки из агентства встретят его, а затем и проводят: в последний путь. Впрочем, на многочисленность похоронного десанта я не рассчитывала, да и плевать мне было на всех. Кроме одного человека. И я вовсе не была уверена, что он не предпочтет поездку сюда стылому участию в моих похоронах. А если и останется, чтобы отдать мне последний долг, рядом с ним будет его девка. Шлюха, липучка, дешевка, дрянь.

Его *беби*.

Нет, мой забавный Валентин. Такого счастья ты от меня не дождешься.

...За последние несколько лет курорт *NV* сильно изменился. Я добралась до него уже в сумерках, так что подлинный масштаб изменений мне предстояло оценить лишь наутро. Но кое-что было заметно и сейчас: новая парковка, забитая самыми разными машинами: от джипов до малолитражек; два новых крыла, пристроенных к старому корпусу, неболь-

шой ресторанчик на месте бывшего пункта выдачи горнолыжного инвентаря. Ресторанчик назывался «X-files». И судя по всему, был главным центром вечернего досуга.

Зарегистрировавшись и получив ключи, я отправилась в номер.

По странному, почти мистическому стечению обстоятельств, это оказался тот самый номер, который мы снимали с Владом три года назад.

Я посчитала это знаком. Пока еще была в состоянии хоть что-то считать, хоть о чем-то думать, хоть что-то чувствовать. Воспоминания навалились на меня, едва я переступила порог, сбили с ног, лишили сил. Тот же силуэт сосны в окне, та же линия горных вершин. Безумная мысль заставила меня вздрогнуть: сейчас откроется дверь ванной, и в комнату войдет Влад, вытирая полотенцем мокрые волосы. Голый (он любил ходить по номеру голым), прекрасный, как античная статуя, до краев наполненный юностью и желанием.

– Влад, – тихонько позвала я. – Влад!.. Скажи мне... Скажи мне хоть что-нибудь...

Ответа не последовало.

Около часа я пролежала на кровати, глядя в потолок сухими, невидящими глазами. Тело мое ныло, все кости казались переломанными, все внутренности сбились в один бесформенный ком; куском мяса – вот чем я была. Куском бесполезного мяса, куском дерьма.

Если бы я действительно решила покончить с собой – я бы

сделала это именно сейчас. Но я не сделала. *Такого счастья ты от меня не дождешься, мой забавный Валентин.* Мой смешной, потешный, забавный Валентин.

Через час я заставила себя подняться и принять душ. Мысль о *беби* вела меня под уздцы, тащила на коротком поводке, подталкивала в спину. Если мои расчеты верны (а они не могут быть неверными), то *беби* уже приехала сюда. Или приедет в самое ближайшее время. Значит, есть вероятность увидеть ее сегодня в «X-files», не будет же она сычом торчать в номере. Или в крайнем случае – завтра. Либо в холле, либо у подъемника, либо на одной из трасс. Меня совершенно не беспокоило то, что я никогда не видела ее раньше.

Я узнаю ее.

В конце концов, ее... о, господи, дай мне силы это пережить!.. ее любил Влад, а я чувствовала Влада как никто. И потом – духи. Чертов «Ангел». Но если и это не сработает, если и это... Дня через три-четыре сюда приедет он сам. И тогда я точно узнаю ее. Она, *беби*, будет рядом с ним. И тогда в их безоблачном горнолыжном (порнолыжном, твою мать, порнолыжном!) ландшафте нарисуюсь я. Я явлюсь им как бог из машины, с пистолетом «макаров» в руке. Можно только представить, как вытянутся их физиономии, как затрясутся их поджилки, как они наложат в штаны; кусок дерьма – не я. Куски дерьма – они. Собственно, вот для чего мне был нужен пистолет, вот зачем. Посмотреть на сладкую парочку сквозь его дуло, а дальше...

Я понятия не имела, что будет дальше. Что будет, то и будет. Пробьемся касками, как говорит Шамарина.

А сейчас я отправлюсь в «X-files».

* * *

...Я сразу узнала ее.

Хотя она вовсе не была похожа на *беби*. Мое усталое, измотанное арьергардными боями за Влада воображение рисовало платиновую блондинку модельной внешности, со стертым среднестатистическим лицом карманной Клаудии Шиффер, с самовлюбленными ключицами и мозгом пересмешника. Беби должна была обожать трахаться под Кенни Г, жрать шоколад под «Пет Шоп Бойз» и грустить о быстротечности времени под Дженнифер Лопес. Беби должна была повсюду искать зеркала, подкрашивать губы, даже заходя в сортир, и задалбывать окружающих тем, какой волнительный писатель Паоло Коэльо. Беби должна была быть женственна до состояния студенистости, но при этом мастерски превращать в желе своего любовника, как только он отказывал ей в какой-нибудь девичьей прихоти. И хотя платиновые блондинки модельной внешности бывают совершенно разными, я хотела видеть *беби* именно такой.

Полной, абсолютной, восхитительной дурой, чтобы сказать (если не Владу, то хотя бы себе самой): и на эту кретинку ты меня променял?..

Я сразу узнала ее, я сразу узнала этот запах, он доминировал над всем: над карликовыми побегами «Хьюго Босс», над чахлым подлеском «Мабуссен», над поваленными стволами «Органзы», над песчаной почвой «Самарканда».

«X-files» был переполнен: множество молодых и не очень лиц, покрытых мимолетным зимним загаром, множество компаний. Беби же сидела за столиком в углу у окна, в абсолютном одиночестве. Именно из этого угла и тащило «Ангелом». За те десять минут, что я наблюдала за ней, к беби подкатилось не меньше четырех типов. Очевидно, с подогретой алкогольными парами жаждой познакомиться. Но всех четверых беби каким-то образом спровадила.

Что ж, я буду пятой.

Прихватив в баре кофе и рюмку коньяка, я направилась в вонючий «ангельский» угол.

– Вы позволите? – спросила я, остановившись у столика. И чуть было не добавила «беби», но вовремя спохватилась. – Вы позволите присесть?

– При условии, что вы не будете ко мне приставать, – лениво процедила беби.

Однако!..

– Не буду.

– Тогда прошу.

Ей действительно было двадцать. Никак не больше, ни на день. И она была не блондинкой, а самой натуральной брюнеткой. Короткая, почти экстремальная, мальчишеская

стрижка венчалась концептуальной буддистской косичкой, а в правом ухе болталась сережка в виде креста. Туда же, в правое ухо, был воткнут наушник от плеера. Сам плеер лежал на столе в компании зажигалки «Zippo», стакана с молочным коктейлем, рюмки водки и двух пачек «Мальборо». Из пепельницы уже торчало штук десять окурков: беби выкуривала сигареты до самого фильтра. Так в двадцать лет курила я сама.

По «X-files» свободно перемещались массы сизого дыма, в нем было шумно и тепло, но не настолько, чтобы сидеть здесь в майке. А беби сидела в майке. Уж не для того ли, чтобы каждый желающий мог по достоинству оценить ее воинственно торчащую грудь, ее провокационно выпирающие соски? Уж не для того ли, чтобы каждый желающий мог полюбоваться ее шикарными татуировками: растительный орнамент на правом предплечье и кельтский узор, опоясывающий левое. Шею беби стягивало с полдюжины дешевых бус, которые можно купить в любом магазинчике, торгующем псевдоэтнической лабудой. И еще... еще бандана на запястье.

Бандана добила меня окончательно.

Некоторое время я рассматривала беби, я жадно пожирала ее глазами, нисколько не стыдясь своей жадности.

– Что-то не так? – поинтересовалась наконец беби. – У меня что, сопля из носа торчит?

– Нет. – Я смутилась. – Все в порядке. Сопля не торчит.

– О'кей.

Слово «о'кей» я ненавидела ничуть не меньше, чем междометия «йоу» и «бла-бла-бла», но слетевшее с губ беби, оно почему-то не вызвало у меня протеста.

А самым странным оказалось то, что беби *вообще не вызвала у меня протеста.*

Ее нельзя было назвать ни красивой, ни даже хорошенькой, но... Она была ослепительна.

Ослепительна. Именно так. Высокий упрямый лоб, резко очерченные скулы, широкие, почти мужские брови и глаза цвета гречишного меда. Глаза были особенно хороши. Глаза и губы по-детски пухлые, смугло-розовые. Даже крохотная болячка в правом уголке нисколько их не портила.

– Что вы слушаете? – спросила я.

– А-а... Одних мощных людей.

– Что именно? – Я проявила завидную настойчивость, я была готова на все – лишь бы беби не сорвалась с крючка.

«Раммштайн», «Гуано Эйпс», хор балканских цыган, на худой конец – Земфира со товарищи, какая разница, что слушает беби?

Но ее ответ меня поразил:

– Джазовые ребята. «Сингерс анлимитед».

«Singers Unlimited»! Я обожала «Сингерс анлимитед», я заслушала до дыр три их диска, их изощренный и прозрачный джазовый вокал заставлял мое сердце биться быстрее, а ноздри трепетать. Я почти не расставалась с ними, пока не

появился Влад. А когда он появился – я рассталась не только с ними, я рассталась со всем. Без всяких сожалений.

«Singers Unlimited», надо же!.. Встретив Влада, беби и не подумала от них отказаться, наверняка она не отказалась и от всего остального, что было в ее двадцатилетней жизни. В этом и заключалась вся разница. Вся пропасть между нами.

– «О, Джинджи...» – напела я беби начало песни на почти безукоризненном английском.

И беби впервые взглянула на меня со жгучей заинтересованностью.

– Круто! Впервые вижу в России человека, который знает «Сингерс анлимитед». – Она широко улыбнулась, и на щеках у нее проснулись и сладко зевнули ямочки. – А еще что-нибудь можете?

Я тут же выдала кусок из «Прелюдии к поцелую».

– Вы меня убили, – констатировала беби.

– Я случайно. Это была шальная пуля.

– Вы мне нравитесь, – вынесла вердикт беби. – Вы клевая телка.

– Польщена.

– Меня зовут Александра. Можно – Сашка. Можно – Шурик. Как хотите, я на всё откликаюсь. А вас?

– Елена, – я на секунду задержала дыхание, – Елена Викторовна.

– Ну, – беби дернула себя за мочку уха, – какая же вы Викторовна, не смешите! Я буду звать вас...

– ...Только не Ленком. Когда меня называют Ленок, я покрываюсь прыщами.

– Как насчет Алены?

– Терпимо. Но Лена все-таки лучше.

– О'кей. Лена так Лена. Курите? – Беби королевским жестом пододвинула ко мне пачку «Мальборо».

– Нет. Бросила.

Гречишный мед ее глаз подернулся тонкой корочкой сочувствия:

– Почему?

– Как почему?.. Бросила, и все. Две пачки в день – это было чересчур.

– Да нет. Две пачки – это нормально.

– Кому как... И потом – возраст... Цвет лица. Хрипы в легких...

– Вот фигня. – Сочувственная корочка стала ощутимо толще. – У вас обалденный цвет лица... А с тех пор, как бросили, – не тянуло снова закурить?

– Тянуло. Еще как!

– Никогда не поздно отказаться от вредной привычки воздержания от табака. Вам ведь нравилось курить?

– Очень. – В этом я не признавалась даже Владу.

– Видите! – тут же уличила меня беби. – В жизни не так уж много удовольствий, чтобы вот так, за здорово живешь, отказаться хотя бы от одного из них.

Интересно, почему такая простая и ясная мысль до сих

пор не приходила мне в голову?

– Вы правы, Александра. То есть... Сашка.

– Ну так что?

Беби ловким движением выбила сигарету из пачки. Она искушала меня, провоцировала, даже кончик ее концептуальной буддистской косички раздвоился, как язык у змеи. И я сдалась. Я взяла сигарету из пальцев беби. Жестких и нежных одновременно, засиженных дешевыми серебряными кольцами, – таких, какими и положено быть пальцам двадцатилетних.

Беби щелкнула зажигалкой, я прикурила и сделала первую глубокую затяжку.

– Ну как? – поинтересовалась она.

– Божественно! – Я выпустила колечко из дыма. Потом – еще одно.

– Супер! – Гречишный мед потек следом за колечками. –

Вы и вправду потрясающая.

Потрясающей была она. И дело оказалось не только в ее двадцати годах, а в той ауре, которая витала вокруг нее, которая мгновенно выделяла беби из любой толпы. Мы не сидели за одним столиком и получаса, а я уже узнала, что это такое: скорбное амплуа подруги главной героини. У меня никогда не было комплексов насчет собственной внешности, и завести знакомство не составило бы особого труда и сейчас, если бы... Если бы не беби: все смотрели только на нее и обращались только к ней. Ну почему, почему Владу

не попалась платиновая блондинка, тогда бы у меня сохранился крошечный шанс. Но против витальной, обладающей животным магнетизмом юной провокаторши шансов у меня не было.

– Интересный запах, – сказала я, докурив первую сигарету до фильтра и слегка опьянев от ворвавшегося в мой дистиллированный организм никотина.

– Что вы имеете в виду?

– Ваши духи.

– А-а... – Беби прижала к губам кончик носа, а потом обнюхала бандану на запястье. – Это «Ангел».

– Вам идет.

– Вы полагаете? Вообще-то я не очень люблю духи. Точнее, стараюсь ими не пользоваться. Духи – это такое лукавство... Это все равно что шубу летом таскать только потому, что у тебя хреновая фигура. Человек должен быть естественным, а в духах нет ни капли естественности. Сплошной обман. Сплошное надувательство.

От столь продолжительной программной речи мне стало не по себе.

– Тогда зачем вы ими пользуетесь?

– Это подарок моего парня. «Ангел» на моей коже – его слабость. А к слабостям своих парней я отношусь с пониманием.

– Ваш парень... Он приехал с вами? – осторожно подбирая слова, спросила я.

– Влад? Нет. Стала бы я сидеть в этом гадюшнике, если бы он приехал со мной!.. Но он тоже здесь появится. Дня через три. В самый последний момент у него образовалась срочная командировка...

– На Рождество?

– Он работает в журнале... Знаете, такие тупые глянцевые псалтири, которые учат тебя, как жить... Что слушать, что носить и как сделать твоему парню эротический массаж, чтобы он отъехал до Владивостока. Мертвечина. Туфта. Срань господня. Вот он там и числится падальщиком. А сейчас полетел выклевывать что-то в Амстердаме. Вы были в Амстердаме?

Я неопределенно покачала головой, предоставив самой беби решать, была ли я в Амстердаме или нет. И пока беби решала, я – уже сама – подкурила себе вторую сигарету. Вот и все. Никаких сомнений. Это она. Не-шлюха, не-липучка, не-дешевка, не-дрянь. Не-девка.

Беби.

– Амстердам – попсовый город, – сказала беби. – И всегда такой, каким ты хочешь его видеть. Я не очень-то люблю его...

– Как духи?

– По-другому. Вот Париж, к примеру, – шлюха фригидная и расчетливая. А Амстердам – шлюха, дающая всем бесплатно. Только из любви к чистому искусству.

– Шлюха со знанием приемов эротического массажа?

– Именно. – Беби откинулась на стуле, с шиком затянулась и выпустила сразу три кольца.

– А вы и в Париже наследили?

– J'ai passé une très bonne soirèe, – на вполне сноском французском произнесла она.

«Было очень мило». Паршивка!..

– Sans aucun doute¹. – Мой французский был не в пример лучше французского беби. Мой французский был безупречен.

– Ой! – Беби дернула серьгу в ухе.

– Ай! – Я почти зеркально повторила ее движение, с той лишь разницей, что в ухе у меня скромно приютился бриллиант по цене в полторы тысячи долларов.

– Потрясающе. – Беби в очередной раз ослепила меня ямочками на щеках. – Вы тонкая штучка.

– Девушка на миллион баксов.

– Именно.

Беби не покоробили ни «девушка», ни «миллион». У меня нет шансов. Никаких.

– И вы здесь одна?

– Одна!

– Почему? – Простота вопросов беби граничила с откровенным бесстыдством.

– А почему я должна быть не одна?

– Такие места не рассчитаны на одиночество. Разве что вы

¹ Несомненно (фр.).

решили оторваться. Поднять себе кого-нибудь.

– Я похожа на человека, который нуждается в том, чтобы кого-то поднять?

Беби принялась изучать меня: пытливо, сосредоточенно, закусив от напряжения нижнюю губу. С таким выражением лица изучают старинные манускрипты, годовые кольца на деревьях, анатомическое строение морского конька.

– Нет, пожалуй, нет. Вы похожи на человека, который нуждается в том, чтобы кого-то любить. Без памяти.

Разбитая музыкальная шкатулка в моей груди издала прощальный звон: последняя пружина ее механизма лопнула.

– Я и любила... И люблю. Без памяти. Только это ему больше не нужно. Он встретил другую.

– Ну и мудак! – Беби так грохнула кулаком по столу, что рюмка с недопитой водкой подпрыгнула и опрокинулась.

– Я тоже так думала...

– А теперь?

– Теперь нет. Он просто встретил другую. Полюбил заново. А новая любовь никогда не платит по старым вексялям.

Стоило мне только сказать это... Стоило мне только произнести, как случилось уж совершенно невероятное: беби перегнулась через столик и поцеловала меня в щеку.

– Если я скажу тебе «забей», – она перешла на «ты» совершенно естественно, – ты все равно меня не услышишь. Так?

– Да.

– Значит, должен быть еще какой-нибудь выход.

– Какой?

– Анаша! – Беби снова качнулась на стуле и рассмеялась беззаботным бесстрашным смехом. – Я привезла с собой шикарную таджикскую дурь. Айда ко мне в номер курить!..

* * *

...Ее номер был полностью идентичен моему. С той лишь разницей, что в окне не было никакой сосны. Одни лишь горы. На полу перед дверью валялся потертый кожаный рюкзак (беби даже не удосужилась распаковать вещи), а на столе стоял ноутбук. Старенький ноутбук, напомнивший мне мой собственный – пятилетней, а то и семилетней давности. «Compaq» или что-то вроде того.

– Садись, ложись, делай что хочешь, – жестом гостеприимной хозяйки беби развела руками.

Я нацелилась было на кровать, но неожиданно меня обдала арктическим холодом мысль: пройдет каких-нибудь вшивых три дня, приедет Влад и они начнут *заниматься любовью*. На этой самой кровати. И Влад будет запускать руки под майку беби, и расстегивать пуговицы на ее мешковатых джинсах, и касаться ртом ее татуировок, и трогать языком крест в ее ухе, и покусывать зубами ее торчащие победительные соски, и... и... Подойти ближе к сплетенным телам Влада и беби я не решилась. И как подкошенная рухнула на пол

у кровати.

Беби посмотрела на меня с одобрением.

– Вот и я обожаю сидеть на полу... Сейчас забьем косячок, и нам захорошеет.

Она устроилась неподалеку от меня, вытащила из внешнего кармана рюкзака пачку «Беломора», а из внутреннего пакет с анашой и с поразительной ловкостью забила косяк, послунив напоследок его кончик.

– Не много у тебя вещей, – заметила я.

– Я просто мобильный человек. К тому же вещи меня утомляют. У меня с ними сложные отношения. И вообще... Если честно, я бы хотела родиться во Французской Полинезии и всю жизнь проходить голой.

– Завидная мечта. И легко выполнимая. – Ревность снова полоснула ножом мне по глазам. – С такой-то фигурой.

– Ну, тебе тоже грех жаловаться. – «Беломорина» вспыхнула красным огоньком и затрещала: это беби сделала первую затяжку. – Ты, кстати, откуда?

– Я? Из Питера.

– Круто! Бывает же такое!.. Я тоже из Питера. Нет, ну надо же! Земля землю всегда поддержит, а? Права я?

– В каком смысле поддержит?

– Ну... Вот ты на лыжах катаешься?

– Катаюсь.

– А я нет.

– Правда, что ли? – изумилась я.

– Истинная. – Для убедительности беби прикусила ноготь большого пальца. – Я на них даже не стою. Научишь меня?

– Не знаю... Лучше бы тебе обратиться к инструкторам. Их здесь как грязи.

– Держи! – «Беломорина» перекочевала в мои руки. – Я не хочу, чтобы инструкторы. Я хочу, чтобы ты. Не переживай, я способная. С парашютом уже прыгала, с аквалангом спускалась, теперь остались горные лыжи.

– Ну, много чего осталось... Гонки на собачьих упряжках, например. Полет на воздушном шаре... Вокруг света за семьдесят дней.

– Все впереди.

Беби придвинулась ко мне близко, слишком близко. Ее глаза плыли надо мной грозовым облаком, ее губы покачивались надо мной, как лодки, ее подбородок опрокинулся, как чаша, полная молока.

– Все впереди, слышишь? У нас вся жизнь впереди. Целая огромная жизнь.

* * *

...Я проснулась от глухого стука в окно.

Стекло было залеплено точками снега, и пока я соображала, что бы это могло быть, в него ударил очередной снежок. После чего последовал пронзительный короткий свист.

Беби.

Беби сидела на сосне прямо напротив окна моего номера, оседлав толстую ветку. Высота была приличная, сосновый ствол – абсолютно гладким, как ей удалось забраться сюда, оставалось загадкой. Она могла бы постучать в двери номера, но предпочла разбудить меня таким экстравагантным способом. Она была *беби*, и это все объясняло.

– С ума сошла! – крикнула я, открывая окно. – Зачем ты залезла туда, сумасшедшая?

– Чтобы сказать, что день сегодня будет офигительным! И еще, что ты обещала научить меня кататься на лыжах.

– Разве?

– Стопудово. Жду тебя в холле через двадцать минут.

– Через сорок.

– Через полчаса, – отрезала беби и, совершив головокружительный кульбит, спрыгнула на землю.

Я даже не успела испугаться за нее.

Пока я мылась в душе, натиралась кремом от солнца и натягивала на себя комбинезон, меня не оставляли мысли о прошедшей ночи.

Ночи с беби.

Я провела ночь с девушкой, которая отбила у меня Влада, и теперь могла с уверенностью сказать: *такой* ночи у меня еще не было. Никогда в жизни.

И анаша здесь ни при чем.

Рот у беби не закрывался, но это не напрягало меня. Погружение в ее двадцатилетний мир прошло легко и безболез-

ненно – и он оказался фантастическим, похожим на латиноамериканский роман, китайскую притчу и триллер одновременно. Беби жонглировала самыми разными городами (Нью-Йорк, Лондон и Барселона в их число не попали, за что я была несказанно благодарна ей), вытаскивала из заднего кармана джинсов самые удивительные пейзажи, вынимала из-за щеки самые потрясающие человеческие типы. Ее Амстердам был совсем не похож на мой собственный Амстердам, то же случилось и с Парижем, и с Салониками, мы пили разную на вкус граппу и ракию, в моих венецианских каналах не было ничего, кроме тины и отходов, в ее же – цвели папоротники и плыли завернутые в папиросную бумагу локоны влюбленных. От беби я впервые услышала о кошках с девятью хвостами и о гангстерах, которые играют в го. Я была почти уверена, что большинство рассказов беби – плод ее фантазии, не больше. Но плод этот был прекрасен, он благоухал.

– Слушай, тебе нужно книги писать, – сказала наконец я, полностью обессиленная ее историями.

– Уже.

– Что уже?

– Уже пишу. – Беби кивнула в сторону ноутбука. – Она там.

– Книга?

– Роман.

– Дашь почитать?

– Да. Когда-нибудь.

– О'кей. – «О'кей» – неужели мои губы произнесли это?

Я почти не помнила, как вернулась к себе, а вернувшись, упала на колени посередине номера и разрыдалась. Боль, на время отступившая, ударила по мне с новой силой. У меня нет никаких шансов. Никаких. Влад больше никогда не будет со мной. От таких, как беби, не уходят. За такими, как беби, следуют всю жизнь. Непонятно только, что она нашла во Владе. Конечно, беби бросит его, не пройдет и трех месяцев. Но вернется ли он ко мне? А если и вернется, то все равно будет искать ее в каждом дне. Чтобы ловить с ней рыбу, болтать ногами в прохладной воде, есть виноград, пить текилу, глазеть на прохожих, мокнуть под дождем, стрелять сигареты, кататься на колесе обозрения, читать правила поведения пассажиров в метро, стричься, пускать мыльные пузыри, собирать марки, кормить пингвинов пломбиром. И мечтать быть с ней, пока смерть не разлучит души.

Беби ждала меня в холле, сидя в кресле со сложенными по-турецки ногами. Тут же крутилось несколько молодых людей, которые сразу отпали, как только она помахала мне рукой.

– Потрясно выглядишь, – сказала беби. – А прикид у тебя просто чумовой. Костюмчик на все сто.

– Обыкновенный костюмчик.

– Да ладно тебе... ну что, двинули?

– План такой, – я подтянула молнию на плохоньком комбинезоне беби, – сначала мы подберем тебе лыжи.

– А потом ты научишь меня кататься?

– Если ты будешь хорошо себя вести.

– Я буду хорошо себя вести. Я буду паинькой. Обещаю.

...Она оказалась потрясающей ученицей. Я предполагала что-то подобное, но действительность превзошла все мои ожидания. А может, все дело было в бесстрашии беби? Она бесстрашно смеялась, запрокинув голову, бесстрашно рассказывала о гангстерах, играющих в го, и вот теперь бесстрашно соскользнула с пологого склона для приготовишек. Трудно было поверить в то, что беби делает это в первый раз.

– Корпус вперед! – крикнула я ей.

– Я помню, помню!..

После нескольких десятков удачных спусков беби подъехала ко мне: глаза ее нестерпимо сверкали, рот то и дело растягивался в блаженной улыбке, а на щеках играл румянец.

– Ну как? – спросила она.

– Неплохо, совсем неплохо. Тебе нравится?

– Я просто в ауте. Даст ист фантастише!

– Даст ист абер прима! – расхохоталась я.

– Ты и немецкий знаешь?

– Этвас. Немного.

– Слушай... А может, мы поищем какое-нибудь другое место? – Беби оперлась на палки и умоляюще посмотрела на меня.

– А это тебе чем не нравится?

– Народу много. Флажков. Детей каких-то дурацких...

– Ты сама ребенок. Дурацкий. – Мне внезапно захотелось погладить беби по голове.

– Давай двинем туда, где посерьезнее, а?

– Не стоит. Пока не стоит. Не думай, что все будет так легко и просто. Кое-какие навыки должны закрепиться до автоматизма, к тому же повороты у тебя хромают.

– Здесь они не закрепятся. – Беби снова потерябила крест у себя в ухе. – Здесь мне уже скучно. Так я могла бы и где-нибудь в Парголово покататься.

– Не говори глупостей, – тоном учительницы младших классов изрекла я.

– Ну, пожалуйста...

– Не канючь. И марш наверх!..

В конце дня я сдалась, и мы отправились на трассу для мастеров. Я хорошо знала ее по своему прошлому приезду, беби же видела ее в первый раз. Для начала я устроила пару показательных спусков, потом наступила ее очередь.

– Все помнишь? – Я нагнулась и проверила крепления.

– Все. Группироваться, не выбрасывать палки... Да все будет в порядке. Не переживай.

Губы беби были плотно сжаты, а в глазах появился сосредоточенный потусторонний блеск, свойственный лишь лыжным экстремалам.

– Тогда с Богом. Давай!..

Беби родилась горнолыжницей. Впрочем, с тем же успехом она могла родиться парашютисткой, альпинисткой, бай-

кером, ловцом жемчуга. Она родилась *беби*, и это все объясняло.

Это объясняло ее полет, маленький ангел был создан для снегов, ущелий, почти вертикальных, отвесных склонов. Я даже залюбовалась ею. Влад никогда ко мне не вернется. Никогда. Ни-ко-гда. Оттолкнувшись палками, я следом за ангелом сорвалась вниз.

– Черт возьми, – сказала она, когда я остановилась, обдав ее ледяными брызгами с ног до головы. – Ты чертовски хорошо смотришься. Ты вообще чертовски хороша.

– Ты тоже.

– Как насчет вечера?

– Опять анаша?

– Ну почему... Сначала водка в «X-files», а анаша потом. Заметано?

– Заметано. – Я дернула беби за буддистскую концептуальную косичку.

– А есть здесь еще что-нибудь?

– В каком смысле?

– Ну какие-нибудь другие места... Где нет людей.

– В каком смысле?

– Где можно еще покататься. И чтобы никого не было...

– Горы большие. – Я неопределенно пожала плечами. – Наверное, кое-что и может отыскаться.

– А давай поищем! Нет, правда! Разве тебе не хочется, чтобы не стояло глупых вещей и чтобы никто не путался под

ногами? Чтобы только ты и снег.

– Хочется, – я прикрыла глаза, – хочется.

...Вечер и ночь с беби оказались такими же феерически-ми, как и предыдущие, а раннее утро в одиночестве – таким же кошмарным. Вечер и ночь были посвящены ее многочисленным друзьям, кого только не прибывало к лазурному берегу маленькой чертовки! Индейцы чероки, эмигрировавшие в Трансильванию, тибетские монахи, один философ-структуралист и два гомосексуалиста, группа стеклодувов из города Гусь-Хрустальный, морячок, с которым беби целовалась в тамбуре скорого поезда «Адлер – Питер», шпагоглотательница, крупный европейский писатель («он меня облапал на одном банкете, только тсс!»), диджеи и виджеи, французский шансонье средней руки, и только о Владе...

Беби почти не говорила о Владе.

От нее я узнала о том, что члены индусов пахнут имбирем, а члены арабов – рахат-лукумом, и о том, что один ее парень жить не мог без насадок и колечек («ты не представляешь, как было больно, когда он в меня входил со всеми этими причиндалами!»), Влад же оставался за кадром.

Странно.

– А что твой нынешний парень? Влад, кажется...

– А что Влад? – Беби, похоже, была недовольна вопросом.

– Ты с ним... счастлива? Ты его любишь?

– Люблю, наверное... – Она задумалась. – Да какое это имеет значение? Он веселый, прикольный, и вообще... кра-

савчик. Не такой, конечно, как тот морячок, с которым мы целовались в тамбуре, но все равно...

Она не любила его. Она совсем его не любила.

Это открытие потрясло меня.

С ним я ушла к себе в номер, где меня ожидала притаившаяся во всех углах боль: теперь она выползла наружу, покинула мое тело, но легче мне не стало, скорее наоборот. Просто жить с болью оказалось не так ужасно, как постоянно ждать, когда же она накинется на тебя из-за угла. Да черт с ней, с болью! – *беби не любила Влада*. А я любила его, я жить без него не могла, полный тупик. И у меня не осталось ни времени, ни сил, ни желания, чтобы попытаться выбраться из него. Теперь, когда я познакомилась с беби, идея с пистолетом выглядела дурацкой, смехотворной, лишённой смысла. А я еще втянула в нее Жегалыча, взрослого и серьезного человека. Я и сама была взрослым и серьезным человеком, владелицей журнала и модельного агентства, о-о, да засунь ты это себе в жопу, твою мать!.. Я медленно сходила с ума. Свернувшись клубком на кровати, я сходила с ума. И мне ничего не оставалось, кроме как ждать, когда забрезжит утро и наступит новый день, в котором будет беби, которая не любит Влада, которого люблю я.

Но утро все не наступало и не наступало, а когда наступило, то застало меня далеко от турбазы. В полной экипировке.

...Я хорошо помнила этот склон. Для того чтобы до него добраться, мне потребовался почти час. Три года назад на

ближних подступах к нему стояла табличка: «ОПАСНО! СПУСК ЗАПРЕЩЕН!», стояла она и сейчас. А может, это была другая табличка, но слова остались теми же. Я с трудом вытащила табличку из снега и бросила к двум соснам, растущим поодаль. Четверть дела была сделана, теперь оставалось исследовать склон.

Это был хитрый, вероломный склон, заканчивавшийся глубоким ущельем. Сверху ущелье не просматривалось вообще: передо мной лежала ослепительно-белая снежная целина.

«Пусть будет как будет», – сказала я себе. Пробьемся касками, как говорит Шамарина.

Лучшим выходом для меня было свалиться в пропасть. Но я не свалилась (сказалось-таки славное горнолыжное прошлое), а, сделав крутой вираж, замерла метрах в пяти от обрыва. Теперь ущелье, заваленное камнями и обломками скал, было видно как на ладони. От его близости у меня закружилась голова и перехватило дыхание, к горлу подступила тошнота, но тут же прошла.

Вот так. Хорошо. Теперь можно возвращаться.

...Я долго стучалась в двери ее номера, прежде чем она открыла.

– Дрыхнешь? – весело спросила я.

Даже чересчур весело. С тех пор как я вернулась на базу, меня не покидало это взвинченное, граничащее с истерией веселье.

– А который час? – Беби потянулась и тут же виновато захлопала ресницами.

– Одиннадцать.

– Я проспала, что ли? Знаешь, со мной такое иногда бывает... Могу не спать сутками, а потом хлоп – и вырубилась.

Сонная беби была очаровательна: всклокоченные волосы, слегка припухшие веки, беззащитный рот и полоска от подушки на щеке. От сонной беби пахло молоком и гречишным медом.

И совсем не пахло «Ангелом».

– Пока ты дрыхла, я нашла потрясающее место.

– Какое место?

– Да проснись же ты, ребенок! Место, где мы сегодня можем покататься. Ни одной физиономии, шикарный снег, тебе понравится.

– Я сейчас, – загорелась беби. – Три минуты, и я буду готова.

– Можешь не спешить. Умойся хотя бы!

– Умываться буду вечером.

Беби сбросила халат на пол (в этом жесте не было ничего вызывающего, ничего показного, ей и вправду не мешало бы родиться во Французской Полинезии), переступила через него и направилась в ванную. От ее матового, совершенно двадцатилетнего тела исходило странное сияние, бедный Влад, бедная я, бедные мы оба.

– Что там у нас с погодой? – крикнула беби из ванной.

– Отличный день. Природа шепчет: займи, но выпей!

– Класс! Просто класс!..

В три минуты она не уложилась.

– Слушай, ключ от номера куда-то запропастился. – Беби зачем-то попинала рюкзак и заглянула под кровать. – Никак не могу его найти.

– Да бог с ним, с ключом. Разберемся, когда вернешься. А сейчас просто захлопни дверь. Теряем время, малыш!..

Весь тот час, что мы добирались до склона с ущельем, я думала только об одном: пусть хоть что-то остановит нас. Пусть мы встретим какого-нибудь инструктора или спасателя, и они завернут нас на полдороге. Пусть гребаная табличка опять окажется установленной, пусть случится чудо.

Остановиться сама я была уже не в состоянии.

Чуда не случилось, и вот уже несколько минут беби в полном молчании изучала пейзаж.

– Ну как? – спросила я.

– Долбануться можно! У тебя просто нюх на красоты!

– Рада, что тебе понравилось. Предложение такое: сначала съеду я, еще раз опробую трассу, а ты уже потом, за мной. Идет?

– Идет. – Она пристально посмотрела на меня. – А ведь сегодня Рождество, правда?

– Все может быть.

– А давай встречать Рождество!

– Прямо сейчас?

– Нет, почему... Придем сюда ночью, а в двенадцать откроем шампанское.

– И покурим анашу?

– Если ты захочешь. Все будет так, как ты захочешь. Вообще, мне здесь очень хорошо.

– Мне тоже. – Бедный Влад, бедная я, бедные мы оба. – Ладно, я поехала. До встречи внизу, ребенок.

– Эй... – беби окликнула меня в тот самый момент, когда я уже готова была оттолкнуться палками, – эй, послушай... Я... Я ведь сказала тебе не всю правду о себе!

– Я тоже. Я тоже сказала о себе не всю правду!..

На этот раз я остановилась гораздо ближе к обрыву, чем в предыдущий. Всего-то метра два, не больше. Я еще могла все отменить, достаточно было помахать перед собой скрещенными руками или подать беби какой-нибудь другой знак. Зачем я делаю это?.. ведь беби не виновата, что Влад любил ее и бросил меня, а он не мог не полюбить ее, все любят беби, все без ума от беби, чертова боль в виске, все хотят находиться в обществе беби, а смогла бы я долго находиться в обществе фриков, трансвеститов и порноактрис?.. Эрик в нем как рыба в воде, а я бы удавилась, глупо было оставлять журнал на Тимура, следующий номер выйдет провальным, как пить дать, мертвечина, туфта, срань господня, неужели и вправду Амстердам похож на шлюху? Влад, Влад, что же ты со мной сделал, Влад?..

Все кончено. Все. Все.

Я махнула беби рукой.

И время остановилось. Прошла целая вечность, прежде чем она преодолела треть склона, еще спустя вечность – достигла середины, солнце несколько раз уходило и возвращалось на небосклон, начался и закончился парад планет, постарели и умерли сосны, а она все летела и летела, едва касаясь снега, обдавая звезды и туманности серебристыми ледяными брызгами. Меня вдруг пронзила безумная мысль: а что, если она и вправду взлетит? Ей подчиняется все, так почему не подчиниться силе тяготения?

Она и взлетела, но лишь на секунду, ничего общего не имеющую с вечностью. И камнем рухнула вниз, в ущелье.

Все кончено. Все. Все.

Бай-бай, беби.

* * *

...Вот уже несколько часов я сидела с ее ноутбуком, глядя перед собой невидящими глазами. Достать его не составило особого труда, ведь ключ от номера беби забрала я. Войти и выйти, взять компьютер со стола, ничего сложного. Выходя, я задела ее рюкзак, споткнулась и едва не упала, беби, беби, когда же ты научишься аккуратности?..

Никогда. Ни-ко-гда.

Только бы на компьютере не стоял пароль!

Никакого пароля у беби не было. А после заставки «Windows» появилась картинка на рабочем столе: бело-рыжий щенок в колпаке с бубенчиками. Я сжала ладонями виски: сентиментальный убийца, вот кто я такая. Вместе с гибелью беби исчезла и боль, и ничего не появилось взамен. Теперь я была абсолютно, тотально мертва.

Несколько простеньких программ и два вордовских документа. Один – с лаконично-безликим названием «роман», другой – чуть позатейливее: «Дневник Шурика». То, что я роюсь в чужих вещах, не смущало меня: после произошедшего меня уже ничто не может смутить. Я подвела стрелку к роману и два раза кликнула на ярлык.

Беби была потрясающе, чертовски талантлива – я поняла это сразу, бегло просмотрев две первые страницы. Потом настал черед третьей, четвертой, пятой. Полуночные рассказы беби – вот из чего состоял роман, похожий на путешествие, из которого никто не возвращается; некоторые из них я узнавала сразу, некоторые – еще неизвестные мне – заставляли сжиматься сердце, они были плотными, плотскими, живыми. Такими же, какой я знала беби. И такими, какой я не знала ее, не успела узнать, – нежными, трепетными, полными рассеянной грусти. Но не прочитав и трети, я закрыла документ. Я бы и не смогла прочесть его весь, когда-нибудь потом, но не сейчас, о'кей?..

Последняя запись в «Дневнике Шурика», если судить по дате (а беби аккуратно проставляла даты), относилась к се-

годняшней ночи.

«...Она похожа на тот камешек, который я нашла в Бухаре и который иногда люблю засовывать в рот – тот, на котором отпечаталась стрекоза. Сардик сказал мне, что это никакая не стрекоза, что это какое-то другое насекомое, но это точно стрекоза. Она похожа на тот камешек. Человек, который любил ее, ушел, а след от него остался. Навсегда.

...Сегодня она учила меня кататься на лыжах. Потрясающее ощущение полета, я прожила на свете двадцать ничемных лет и даже не знала, что можно испытывать что-то подобное... Когда я смотрю, просто смотрю на нее, у меня тоже возникает ощущение полета...»

Читать это было невыносимо, и я поднялась вверх по документу.

«...Мы с Никитой распили в подворотне бутылку коньяка, которую он привез из Марселя. Конечно, можно было завалиться к нему или поехать ко мне, но распить шикарный коньяк в засанной питерской подворотне – разве это не кайф? Разве это не мечта кирасира? Никита напел, что какая-то француженка обучила его технике настоящего французского поцелуя, какая лажа! Точно так же я целовалась в десять лет с Федькой из Сестрорецка. Никиту – в отстой! Пусть сидит в своем Купчино и изучает жизнь и творчество Ларисы Рубальской. Ха-ха!»

«...Сардик говорит, что я люблю все придумывать и всех

мистифицировать. И что это доведет меня до цугундера. Дурачок! Это доведет меня до Нобелевской премии по литературе. О как! Сказала как отрезала!..»

«...Я наконец-то проехала на «Харлее»! О-о! Просто праздник какой-то, День противоздушных войск и артиллерии. Будни: пришлось переспать с другом владельца «Харлея». Лучшие бы я переспала с самим владельцем, но он голубой...»

Никаких упоминаний о Владе, никаких.

Ни на что не надеясь, я набрала имя Влада в «правке».

«Владеть», «завладели», «владельца», «Владивосток», «Владикавказ», «Владимир Владимирович», ага, вот оно!..

«...Приехала злобная Маруся и заставила меня плясать танец белочек. Она, видите ли, поссорилась со своим драгоценным Владом. Журналигой из какого-то сортирного боевого листка. Я его видела пару раз, что-то среднее между Томом Крузом и опоссумом. Маруся говорит, что у них страстный роман (как можно трахаться с опоссумом, а тем более с Томом Крузом?) и вообще все идет к свадьбе, но сегодня журналига подложил ей свинью. Они должны были ехать в горы, но в самый последний момент журналига устроил себе командировку (и не в какой-нибудь Торжок, а в Амстердам!) и оставил Марусяку с путевками на руках: ты, мол, езжай сама, а я подъеду. Юморист! Маруся рвет и мечет, порывалась порвать и путевки, но я ее отговорила. Теперь ни в какие горы она не едет, в гробу она ви-

дела эти горы, будет сидеть и ждать своего журналогу в Питере, чтобы выцарапать ему глаза. Зато в горы теперь еду я, йоу!!! И прямо на Рождество!!! Марусяка отдала мне одну путевку, добрая женщина. И духи в придачу, их ей тоже журналога подарил. Двойного счастья, как и двойного виски, много не бывает!.. Но пасаран, товарищи, тамбу ля нэжэ!!! (Сальваторе Адамо. Цитата)...»

Я ведь сказала тебе не всю правду о себе.

Господи, беби... Это была не ты... Не ты... Но зачем? За-чем?

«Селина и Жюли совсем заврались».

Селина и Жюли. Совсем заврались. Совсем.

* * *

...Я мертва. Абсолютно. Тотально. Я мертвее, чем беби.

Хотя домой я лечу обычным рейсом, грузового самолета мне не понадобилось. Теперь мне мало что понадобится. Я знаю это точно. Разве что ноутбук беби.

Ноутбук беби – единственное, что у меня есть.

Дома меня встречает Влад. Что-то среднее между Томом Крузом и опоссумом. Он никуда не уехал. Впрочем, мне все равно, уехал он или нет.

– Ты начала курить? – спрашивает Влад.

Я не совсем понимаю его вопрос. Я бросаю на стол две пачки «Мальборо».

– Ты начала курить?

– Да. Я начала курить.

– Как твои съемки?

Господи, о чем он?..

– Какие съемки?

– У тебя же должны были быть съемки в Москве. Как они?

– А-а... Отлично. А ты не уехал в свой Выдропужск?

– Мне нужно поговорить с тобой, детка. Серьезно.

Господи, о чем он?..

– Я наврал тебе про Выдропужск. Я должен был лететь со всем в другое место. И с другим человеком. Неважно... Знаешь, просто замечательно, что ты отправила меня в Амстердам. Просто замечательно. Мне нужно было уехать. Чтобы понять, как сильно я тебя люблю.

Господи, о чем он?..

– Просто временное помутнение. Знаешь, у мужиков это иногда бывает. Игра гормонов и все такое. Да фигня все это... Ты переживала, я видел... Ты ведь простишь меня? Мне нужна только ты... Только ты...

Я мертва. Абсолютно. Тотально. Я мертвее, чем беби.

Даже пистолет, приставленный к виску, не сделал бы меня более мертвой. Тем более что его пришлось оставить. В бардачке джипа. С огнестрельным оружием в самолет не пускают. Наверное, в этом есть свой резон.

Когда-то в прошлой жизни у меня был леденец во рту. Теперь от леденца и следа не осталось. Возможно, со временем

там появится камешек с отпечатком стрекозы.

Как ты думаешь, беби?..

Домино

* * *

...Никто и никогда не узнает, что я без ума от *Jay-Jay Johanson*.

Даже он сам.

А как было бы сногсшибательно признаться в любви к творчеству худосочного, крашенного в безальтернативный рыжий шведского фрика в одном из своих интервью глянце-вым журналам! Объявить трип-хоп самым выдающимся музыкальным направлением десятилетия и закончить пассаж не лишенной кокетства репликой: всех мужчин, с которыми у меня возникают отношения, я так и называю – Джей-Джей.

Возможно, фраза не выглядит слишком уж отточенной, но каждую ночь (прежде чем заснуть) я работаю над ее содержанием, изменяя порядок слов, переставляя предлоги и добиваясь мажорного звучания окончаний. То, что ни одному из глянце-вых журналов и в голову не придет взять подобное интервью, меня не останавливает.

Да что там глянец! – я не представляю интереса ни для журнала «Катера и яхты», ни для альманаха «Машиностроение», ни для информационного листка «Муниципальный

вестник», единственный способ быть причастной к подобно-го рода изданиям – это устроиться курьером на комбинат офсетной печати «Иван Федоров»... Я не представляю интереса ни для кого, включая большинство потенциальных Джей-Джеев. А те, кто все-таки обратил на меня внимание, в конечном итоге оказываются альфонсами. Или бывшими зэками, отсидевшими за разбой. Или никчемными безработными поэтами, косящими под Бродского. Или охотниками за несуществующим наследством. Или хорошо законспирированными бытовыми алкоголиками.

Ничего другого мне, как правило, не попадалось.

Это – закон, который в своей непреложности может поспорить с законом Бойля – Мариотта, его смысл так и остался для меня тайной за семью печатями.

Никто и никогда не узнает, что я без ума от *Jay-Jay*, который явно не зэк и не альфонс. А еще я просто млею от темно-вишневой ликерной бумаги для самокруток (они радуют меня, некурящую, одним лишь фактом своего наличия в продаже), от жареных осьминогов (их жарят в странах, до которых мне не добраться по определению) и от джинсовых комбинезонов как универсальной формы одежды (джинсовые комбинезоны мне категорически противопоказаны – так утверждают моя драгоценная мамочка, моя подружка Милка по прозвищу Милли-Ванилли и женщина из «Ленэнерго», раз в месяц снимающая показания с моего счетчика, – ее вкусу я почему-то доверяю больше всего).

Никто и никогда – в этих двух словах и заключается рефрен моей унылой жизни за двадцать пять. Виниловый взломщик Джей-Джей переступил бы через этот рефрен не поморщившись.

Не то чтобы мои дела обстояли так уж плачевно, так уж из рук вон.

Совсем нет.

Я никогда не страдала от угревой сыпи, герпеса, или хронического гастрита, или хронического отсутствия денежных средств. Квартирный вопрос тоже не висел надо мной дамочковым мечом и не прожирал печень: с девятнадцати лет я живу совершенно самостоятельно, в шикарной академической двушке, в пяти минутах ходьбы от метро «Петроградская». Двушка досталась мне в наследство от бабки, матери отца. О существовании обоих я узнала только после их смерти, а до того была абсолютно уверена, что родная мамочка (*мусик, мамулёк*) произвела меня на свет при деятельном участии городского банка спермы. Что совсем неудивительно, учитывая патологическую ненависть мусика к мужчинам. Вопреки этой ненависти (а может – благодаря ей) она выходила замуж раз восемь, и каждый последующий муж оказывался много хуже предыдущего, а именно сволочью, мошенником и проходимцем. Сволочи, мошенники и проходимцы сменяли друг друга с завидным постоянством. И с тем же постоянством благородно оставляли мусику квартиры, машины, драгоценности и счета в банке.

Это – тоже закон, который в своей непреложности может поспорить с законом всемирного тяготения. Между прочим, куда более фундаментального, чем какой-то там периферийный законик Бойля – Мариотта.

Как бы то ни было, в свои пятьдесят шесть мой мусик по-прежнему клянет мужиков оптом и в розницу, спускает бешеные суммы на пластические операции и игровые автоматы и ежедневно выступает сразу в трех едва ли не взаимоисключающих ипостасях: добропорядочного рантье, харизматичной стервы и городской сумасшедшей.

Две из трех оставленных проходимцами квартир мусик сдает за бешеные деньги эстонскому консульству и торговому представительству Сингапура. И я подозреваю, что не проявись в свое время тени покойного отца и бабки, мне пришлось бы снимать дешевый тараканий угол в районе Сенной площади. Мусик ни за что не поделилась бы со мной своими квартирными благами, она твердо убеждена, что:

- а) дети должны проживать отдельно от родителей, в идеале – в разных городах, а лучше – странах;
- б) детям строго возбраняется навешивать на родителей свои проблемы, прежде всего – материальные.

Последний пункт (в) касается исключительно нас с мусиком и выглядит следующим образом: я не расплачусь с ней по гроб жизни уже потому, что она в муках произвела меня на свет, хотя двадцать раз могла сделать аборт.

Да-да, именно так она и говорит, рассеянно глядя на меня:

а ведь я могла бы сделать аборт, лапуля.

Это никак не связано с бессодержательностью и пустотой моей жизни, более того: если бы все сложилось иначе, если бы я вдруг стала успешной и преуспевающей, стала звизи-издой (неважно – шоу-бизнеса ли, спорта, кино или экономики и финансов) – это вызвало бы у мусика лишь ярость и ненависть.

Мусик терпеть не может конкурентов.

В ближнем круге – тем более.

Круг дальний – пусть его, ничего с ними не поделаешь, со всеми этими не в меру расплодившимися королевами елизаветами, принцессами дианами, княжнами грейс и, прости господи, матерями терезами; с выскочками-актрисульками а. джоли и р. уизерспун; с кафешантанными певичками мадоннами и дженниферлопес; со смехотворными супер-трупер-модельками, их имен и на дыбе не припомнить. И ничего с ними не поделаешь, ни с живыми, ни с мертвыми, и счастье еще, что держат они другую, далекую от мусика поляну.

Или малину.

А в своем малиннике мусик всегда будет намба ван. И всегда будет называть Дженнифер Лопес Дженнифер Жопес. Не иначе.

А совсем недавно она переключилась с престарелых мошенников на не менее подлючий молодняк и первым делом увела бойфренда у меня. Бойфренд был так себе, как обычно, – подающий надежды поэт, автор никому не известного

поэтического сборника «Одержимость любовью», изданного головокружительным тиражом в 100 экземпляров за счет средств автора.

Я узнала о двойной измене в мусикином любимом «Кофе-Хаузе» на Австрийской площади, где она заседала едва ли не круглосуточно. Изрядно накачанная алкоголем мусик заказала нам по коктейлю и, не мудрствуя лукаво, сразу же приступила к переговорам.

– Как поживает Ларик, лапуля? – спросила она.

Ларик, а точнее Илларион, – именно так звали моего бойфренда, вполне себе поэтическое имя. Мусик никогда не забывала имен моих приятелей и уж тем более никогда не интересовалась, как они поживают. Удивительно. Особенно в свете того, что я (вроде бы) их даже не знакомила.

Или – знакомила?..

– Думаю, что неплохо, – осторожно ответила я.

– Думаешь или правда неплохо?

– Я его не видела с пятницы.

С пятницы, а сегодня понедельник. Ларик и раньше пропадал на несколько дней кряду, ездил в ближние пригороды за поэтическим вдохновением – и меня это не особенно беспокоило. Не беспокоило и сейчас.

– Он тебе звонил?

– Нет.

– И ты считаешь это нормальными отношениями между двумя влюбленными людьми?

– А что, собственно, такого произошло?

Мусик вела себя странно, очень странно – не начать ли мне волноваться?..

– Произошло. – Прежде чем я взволновалась, мусик хотнула, закатила глаза и двумя глотками осушила бокал со слабоалкогольным содержимым.

– Что же?

– Ладно, не будем тянуть кота за яйца, – решительно заявила она.

– Не будем, – согласилась я.

– Я взяла его в аренду.

– Кого? Кота?

– О, господи! Какого еще кота, лапуля? Я взяла в аренду Ларика.

– В смысле? – Я все еще не могла взять в толк, какую мысль хочет донести до меня мусик.

– Смысл общепринятый.

– Что ты называешь общепринятым смыслом?

– Инь и ян, – авторитетно заключила мамочка. – Мужское-женское, как декларировал твой обожаемый режиссер Трюффо.

– Во-первых, это декларировал не мой обожаемый режиссер Трюффо, а мой обожаемый режиссер Годар...

– Один черт!

– А во-вторых... – перебила я мусика и тут же заткнулась. Только теперь до меня дошла суть произошедшего: колчено-

гий пегас Ларик был уведен из моего академического стойла. И кем уведен – собственной маман, буржуазкой, стервой и городской сумасшедшей по совместительству!

Очевидно, мое молчание затянулось. Затянулось настолько, что мусику пришлось пощелкать пальцами у меня перед носом.

– Так что там во-вторых? – с деланным интересом спросила она.

– Во-вторых, ты отпетая сука. Нет... Это – в-третьих.

– А во-вторых? – продолжала настаивать мусик, пропустив «суку» мимо ушей.

– Во-вторых... Инь и ян в сумме дают хрень. Ты всегда об этом говорила, вспомни!

– Вот именно, лапуля, вот именно! – тут же согласилась мусик. – Зачем тебе все эти мучения с Лариком, подумай? Хрень случится рано или поздно, он тебя бросит, и ты будешь страдать, а я не могу позволить, чтобы моя лапуля страдала. Нет уж! Сей тяжкий крест понесу я. Если ты, конечно, не возражаешь.

– Отпетая лживая сука...

Неизвестно, чего в моем голосе было больше – обиды, ненависти или восхищения. Наверное, все-таки восхищения. И мусик, обычно четко улавливающая подобные нюансы, приободрилась и заказала очередную порцию коктейля.

– Тебе не стыдно? – поинтересовалась я у мусика минут через десять после объявления приговора.

– Ни капельки, – на этот раз совершенно честно ответила она.

– И давно вы... снюхались?

– Какое-то время. Моя лапуля на меня не дуется?

Самым странным было то, что я действительно не дулась, напротив – испытывала чувство облегчения. Отношения с Лариком пребывали в некоторой стагнации, еще месяц-два – и они стали бы тяготить меня, так что мусик, по здравом размышлении, очень вовремя вырвала из моих рук уже изрядно поблекшее и потрепанное в лобовых столкновениях знамя страсти.

– Твоя лапуля на тебя не дуется, – успокоила я ее. И подумав пару секунд, добавила: – Он храпит.

– Я в курсе.

– И чавкает.

– Я в курсе.

– И любит чеснок.

– Я в курсе.

– Ты, я смотрю, хорошо его изучила, – присвистнула я.

– Еще бы! Такие вещи я просекаю моментально.

– Если он будет просить у тебя деньги на издание своих опусов...

– Не дам ему ни цента, – заверила мусик. – Я, может, и сумасшедшая климактеричка, но уж не дура точно.

Последнее предупреждение оказалось совершенно излишним: все эти годы мусик тратилась исключительно на се-

бя, и не было ни одной предпосылки к тому, чтобы ситуация коренным образом изменилась.

Мусик всегда останется сама собой, и никакой климакс этого не поколеблет.

– Вот и чудно, – подвела я черту под разговором. – Пусть Ларик заедет ко мне и заберет свои вещи.

– Он боится показаться тебе на глаза. Я сама заберу.

– Как хочешь. Вернее, *как хотите*, – не удержалась от шпильки я. – Вы ведь теперь *just married*². Сливайтесь в пароксизме, дети мои. Совет да любовь.

– Ты все-таки злюка, лапуля моя. – В голосе мусика слышалась легкая укоризна. – И конченная эгоистка. Вместо того чтобы порадоваться за мать, обретшую счастье на скло-не дней, отпускаешь колкости. Это мелко.

Доводить ситуацию до абсурда и делать его единственно приемлемой формой существования – в этом была вся мусик.

Намба ван в нашем районном лягушатнике.

– Еще коктейль? – спросила она.

– Спасибо, мне хватило.

– Ну, не кисни! Вдох-выдох, вдох-выдох, лапуля! Вспомни, чему я тебя учила!.. Давай-ка вместе...

«*Инь и ян, а в сумме – хрень*», – синхронно продекламировали мы, после чего в унисон потрясли головами, стукнулись ладонями и рассмеялись. Обе – с видимым облегчением.

² Молодожены (*англ.*).

– Что ты собираешься делать? – поинтересовалась мусик, как только с ритуальными жестами было покончено.

– А что я должна делать?

– Страдать по поводу разрыва с любимым человеком.

Под «любимым человеком» мусик, очевидно, имела в виду Иллариона, которого сама же и отбила; абсурд продолжался и набирал нешуточные обороты.

– А нужно?

– Ты меня удивляешь, лапуля! Конечно, нужно, это облагораживает, улучшает цвет лица и очищает застоявшуюся кровь...

...А также вентилирует легкие и нормализует стул, мысленно добавила я; мусик все же отпетая сука, никаких сомнений.

– Хорошо, я согласна пострадать какое-то время.

– Но недолго, – мягко посоветовала Отпетая Сука.

– Пары недель хватит?

– Неделю от силы. Большого этот прохвост не стоит.

– Неделя? Хорошо.

– Что-то ты легко согласилась. – Мусик сразу же находилась и посмотрела на меня с подозрением. – Даже странно. Ну-ка, признавайся, лапуля: сбагрила мне откровенное дерьмо? На тебе, боже, что мне негоже?

Не поддаваться абсурду, ни в коем случае не поддаваться!

– Перестань нести чушь. – Я, как это бывало всегда, все-таки позволила абсурду овладеть собой. – Ларик – чудный

человек. Тебе повезло.

– Но он храпит, – склочно заметила мусик.

– Только когда лежит на спине. Не давай ему лежать на спине.

– И чавкает.

– Не давай ему есть.

– И любит чеснок.

– Скупи все чесночные приправы в ближайших магазинах и слей их в унитаз.

– Умаешься сливать!

– Зато он молод, – прибегла я к последнему – убийственному – аргументу. – Молод и хорош собой. Разве не такого человека ты искала?

– А ты хитрая, лапуля! – Мусик откинулась на стуле и постучала по столу кончиками пальцев. – Ладно, будем считать, что ты меня уговорила. И бог с ним, с Лариком. Поговорим о тебе. Что-то мы давно не говорили о тебе. Все еще кукуешь в своем *филькином журнашке*?

«Филькин журнашко», или, если быть совсем точным, «ГОРОД И НОЧЬ» – именно так звучало название в оригинале, в переводе с мусикиного птичьего языка на общеупотребительный русский. Я уволилась из «Города...» три года назад, не проработав в нем и месяца, и с тех пор поменяла множество изданий, но мусик упорно приписывала меня именно к *филькиному журнашке*.

Ничего с этим не поделаешь. Лучше не сопротивляться.

– Все еще кукую, – вяло сказала я. – Как иначе?..

– Так я и думала! И Марат, стало быть, никуда не делся? – Вот он, вопрос, неизменно следующий за вопросом о *фильмином журналишке*.

– Его зовут не Марат. Пора бы запомнить.

– И Анвар, стало быть, никуда не делся? – тут же поправилась мусик.

– Не Анвар. Его зовут не Марат и не Анвар. Тимур. Тимур.

– А я что сказала?..

Глупо было сердиться на рассеянно-высокомерную амнезию мусика и глупо было сердиться на себя, которая до сих пор помнила, что Его зовут Тимур.

Ти-мур.

Темноволосый и золотоглазый, похожий на всех богов одновременно; это ему предназначалась главная роль в культовом фильме «Мертвец», и главная роль в культовом фильме «Небо над Берлином», и все до единой роли в культовом фильме «Более странно, чем рай».

Тимур и сам по себе более странно, чем рай.

Кто изобрел порох, охотничий рожок и путешествия автостопом? – Тимур.

Кто создал Организацию Объединенных Наций и группу «Битлз»? – Тимур.

Кто начинал все мировые войны и бросал их на полпути, так и не закончив? – Тимур.

Кто придумал называть день днем, ночь – ночью, а любовь – любовью? – Тимур, Тимур, Тимур.

Для справки: я ни разу не видела фильм «Более странно, чем рай».

При всех своих заслугах перед человечеством Тимур так и остался весьма демократичным и непритязательным божеством; ничем другим его работу в самом обыкновенном, хотя и не лишенном гламурно-андеграундного блеска журнале я объяснить не могу.

Тем более что он даже не первое лицо, в лучшем случае – третье.

Первые лица (а точнее – *рыла*) никогда особо не интересовали меня, Тимур – дело другое. Теперь и не вспомнить, были ли при нем в момент нашей встречи порох и охотничий рожок, но все остальные подробности не сотрутся в моей памяти никогда.

Он заглянул в кабинет лишь мельком, *снизошел*, как и положено божеству, и его темные волосы заструились по дверной панели, тотчас превратив ее в алтарь. В пристань, у которой швартуются корабли, вернувшиеся из не указанных ни в одной карте стран. Все дело в волосах, именно так! Тимур был обладателем самых шикарных в мире волос. Или самых шикарных в России волос. Или самых шикарных в Питере, или – в этом здании, в этой комнате, на этом этаже. Географические уточнения не так уж важны в свете последующих событий, а именно: я была сражена шикарными во-

лосами Тимура наповал. И вовсе не потому, что они были густыми, длинными, блестящими (хотя они были и густыми, и длинными, и блестящими). Волосы Тимура обладали чудесным свойством преобразовать реальность. Во всяком случае – *мою реальность*.

– Привет, – сказал Тимур. – Босс на месте?

Очевидно, он имел в виду Первое Лицо, секретаршей которого я числилась со вчерашнего дня. Первое Лицо отобрало меня из целого сонма кандидатов благодаря протекции какой-то эстонской или сингапурской сошки (сказались-таки квартирно-дипломатические связи мусика). Первая встреча с Первым Лицом повергла меня в уныние и укрепила в и без того очевидной мысли: все услуги, которые оказывает мне мусик, проходят по ведомству медвежьих. Да и как можно было думать иначе, если Первое Лицо оказалось улучшенной, усовершенствованной и модернизированной копией самого мусика, а проще говоря – харизматичной стервой с легкой примесью добропорядочного рантье. Она была лет на двадцать моложе моей беспутной мамочки и не в пример зубастее, о да! – зубастая, по-другому не скажешь. Такие до гробовой доски будут держаться питбульей хваткой за свои условные тридцать пять – тридцать шесть, за своих мелкотравчатых любовников, единственное достоинство которых – бодрящий юный член; за свой мелкотравчатый бизнес, «ГОРОД И НОЧЬ», как же!.. Стоило Первому Лицу открыть рот (*распахнуть пасть*), как я сразу же поняла: назва-

ние журнала придумано лично ею, свято верящей, что ГОРОД и НОЧЬ и есть она. И еще множество вещей в этом мире – тоже она. От укладки Первого Лица веяло Биаррицем, от макияжа срамно тащило ленивым миланским шопингом, а в безмятежной глади наманикюренных ногтей отражались Вена, Зальцбург и Куршевель – нужно подчеркнуть. Раздавленная столь глянцевым, полиграфически безупречным зрелищем, я пыталась отыскать в Первом Лице хоть один изъян, хоть одну червоточинку, хоть одну – пусть крошечную – щель, за которую завалилось что-то человеческое, – тщетно.

Первое Лицо тоже изучало меня, правда – совсем не так долго: в моей более чем скромной персоне не было никакой загадки, а единственная интрига заключалась в эстонской (сингапурской) протекции, и как только мне удалось ею заручиться?..

– Круг обязанностей вам ясен, милочка? – спросило у меня Первое Лицо. – Так сказать, фронт работ?

– Более-менее, – кротко ответила я.

– Что ж, испытательный срок – неделя. Попробуем рискнуть.

– Попробуем. – Едва произнеся это, я сразу же поняла, что впереди меня ожидает полная жопа.

Полная, наманикюренная и хорошо уложенная жопа. Жоп-а-фитнес. Жопа – кислород-коктейль. И лучше бы сразу отказаться от сомнительной работы и сомнительной должно-

сти и поискать что-нибудь другое, не такое пафосное, не такое, мать его, *курушевельское*.

Именно об этом я и раздумывала, когда дверь распахнулась и на временно отведенном мне фланге *фронта работ* показалось божество.

– Привет! Босс на месте?..

– Нет.

Волосы. Шикарные волосы.

Густые, длинные, блестящие. Преображающие реальность.

– Вы – ее новая секретарша?

– Что-то вроде. – Мой голос тут же поплыл по легким волнам шикарных волос.

– Замечательно!

– Вы полагаете? – Я совсем не разделяла оптимизма божества; единственное, чего бы мне хотелось, – качаться и качаться на волнах.

– Я – Тимур. Музыкальные стили и направления. Фестивали, конкурсы, концерты. Мариинка, Ледовый, *оупен-эйры* и джаз-клубы – тоже я.

– Элина... – Мой послужной список был много короче и состоял всего лишь из одного пункта. Его я и озвучила: – Врожденная грамотность.

Божество хмыкнуло, показав совсем неагрессивные снежно-белые зубы и подергав себя за сложносочиненную монгольскую бородку:

– Врожденная грамотность, ха! Забавно. Куришь?

– Курю.

– Пошли покурим.

– Легко.

Теоретически я знала, что такое сигарета и как она выглядит в анфас и профиль. Сигареты штабелируются в пачки, по двадцать в каждой, могут быть с ментолом, могут быть с фильтром и без; сами фильтры тоже отличаются друг от друга по цвету и варьируются от грязно-желтого до сомнительно-белого. Взять подобную отраву в рот – да не в жизнь! Гран мерси мусику, лет десять назад притаранившему в мой академический дом три рентгеновских снимка легких курильщика с двадцатилетним стажем. «Босх отдыхает», – резюмировала мусик явление триптиха и тотчас же разнесла его части по дому: первая отправилась в туалет как в наиболее популярное место паломничества; две другие оккупировали кухню и ванную комнату. Не прожив с никотиновым триптихом и суток, я с содроганием выбросила его на помойку, но увиденного было достаточно, чтобы отказаться от идеи *затянуться на досуге* навсегда. Теперь, вперившись взглядом в шикарные волосы божества по имени Тимур, я с тоской поняла, что «навсегда» в отношении сигарет закончилось. И наступает совсем иное «навсегда», гораздо более пугающее, чем легкие курильщика с двадцатилетним стажем, чем Босх, оба Брейгеля и кошмарный Отто Дикс в придачу.

Для справки: я ни разу не видела работ Отто Дикса

в оригинале.

Курилка располагалась в дальнем конце коридора, рядом с выходом на черную лестницу. Выход был заколочен намертво, а висящий на нем пожарный щит с бутафорским багром и истлевшим от времени брезентовым шлангом лишь подтверждал наличие новой реальности: *ты попалась, лапуля, отсюда не выбраться, обратной дороги нет.*

Обратной дороги нет. Отныне, куда бы ни лежал мой путь, я буду вечно натекаться на силки, сработанные из шикарных волос, в природе нет крепче материала, чем этот; сопротивление бесполезно, ты попалась, попалась!..

– Не угостишь меня сигаретой?

– Конечно, – улыбнулся новоявленный птицелов. – У меня, правда, совсем не дамские. «Кэмел».

– Подойдет.

– Без фильтра.

– Подойдет.

Под каким углом необходимо сунуть сигарету в пасть, чтобы не выглядеть посмешищем в глазах божества, и когда пробьет час первой затяжки – до того, как божество поднесет огонь, или после? И достаточно ли будет одних губ, чтобы удержать *все это хозяйство*, или же придется прибегнуть к помощи зубов?.. Даже перед своим первым минетом я так не волновалась. А потом (как и в случае с первым минетом) решила положиться на интуицию.

– Очень эротично, – задумчиво сказал Тимур, после ми-

нутного наблюдения за моими манипуляциями с зажженной сигаретой.

– Что именно?

– Ты куришь очень эротично. С та-аким подтекстом...

– Никакого подтекста, – оборвала я божество, не на шутку струхнув.

Предстать перед ним в образе дешевой шлюхи – только этого не хватало! Напрасно я взяла за образец опыт первого минета, можно было ограничиться опытом первого знакомства с зубочисткой или опытом первого знакомства с чу-па-чупсом.

– Значит, тебя зовут Элина. – Тимур пропустил мое замечание мимо ушей. – А сокращенно как? Эля? Лина?

Собственное имя не устраивало меня ни в каком виде, оно шло мне как корове седло; любительница трехгрошовой экзотики мусик и здесь умудрилась подгадать: **Элина-Августа-Магдалена-Флоранс**, такое и в страшном сне не приснится! а ведь ничто не мешало ей по-простецки назвать новорожденную Таней, или Леной, или Наташей с одомашненным производным Тусик, *мусик* – *Тусик*, ну разве не прелесть?..

– Элина и есть сокращенный вариант.

– Страшно представить, как выглядит полный.

– Еще страшнее, чем ты думаешь, – заверила Тимура я.

– Я буду звать тебя Ёлкой, если не возражаешь.

Возражать, как и в случае с мусиком, не имело никакого

смысла, разница заключалась лишь в том, что божество имело гораздо бóльшую (почти неисчерпаемую) квоту на безапелляционность. И все же я решилась спросить:

– А почему именно Ёлка?

– По-моему, это красиво. Навекает мысль о празднике. Навекает мысль о Рождестве.

Лично у меня чертова ёлка не ассоциировалась ни с чем иным, кроме ржавого остова, коротающего март за балконной дверью, опять же – благодаря мусику: это мусик отравила мое детство складированием оставшихся от сладких зимних утех мертвецов-деревьев. В иные времена их набиралось по пять-шесть, и все они были похожи друг на друга – одинаково голые, одинаково скрюченные. Зрелище – хуже не придумаешь, неужели и я в глазах божества выгляжу столь же непрезентабельно?

Да нет же, нет! – у него наверняка совсем другой опыт, связанный с зимними утехами.

Совсем.

– ...Хорошо. Ёлка так Ёлка. Я согласна. Но при условии, что я буду единственной Ёлкой. Вдруг ты называешь так всех женщин. Почем я знаю?

– Ты будешь единственной! – с жаром заверил меня Тимур. – Ты и без того – единственная.

Он шутит или?.. Какой смысл он вкладывает в слово «единственная», неужели он чувствует то же, что чувствую я? Все из-за сигареты, первой в жизни: меня слегка подташ-

нивает, окружающий пейзаж распадается на отдельные, никак не связанные между собой детали, – и все они медленно тонут в волнах его волос. Его волосы – вот что доминирует. Его волосы украшены обрывками постеров (*фестивали, конкурсы, концерты*), монтажными срезками из фильмов Грегга Араки (редкостная мочеполовая туфта в стиле home-видео, я и десяти минут не продержалась); его волосы украшены устрицами, креветками и садовыми улитками, в них вплетены тонкостенные пробники с самыми модными в этом сезоне ароматами – и это уже не море волос, как было вначале, – целый океан.

Чтобы выжить, чтобы не захлебнуться, не набрать излишка прядей в отравленные сигаретой легкие, нужно немедленно приступить к строительству ковчега. Того самого, где **каждой твари по паре**, вот только дурнопахнущего халтурщика и хламодела Грегга Араки я в него не возьму. Ни за что.

Губы божества похожи на цветы.

Такие цветы произрастают в странах, до которых мне не добраться по определению, на худой конец – в «Самой полной энциклопедии растений», перевод с английского. Губы, похожие на цветы, – довольно избитое сравнение, существующее в любой реальности. В моей реальности дело усугубляется стеблями, на которых покачиваются чертовы губы: они сработаны из волос – как и силки, как и все остальное, в природе нет крепче материала, и *никакого другого* материала то-

же не существует. Божество по имени Тимур протягивает их мне:

– ...Ты единственная. Единственная женщина в штате. Кроме босса, естественно. Даже уборщицей у нас числится мужик.

Вот и всё объяснение. А я-то что себе возомнила?..

– Ну, положим, я пока не в штате. Принята с недельным испытательным сроком. Ваш босс – женоненавистница?

– Не только это, ха! Она еще и самая настоящая сучка, немецкая овчарка, дьяволица. Удачливая амбициозная стерва, страдающая приступами бешенства матки. Ее любимое блюдо – мальчики, провинциальные и не очень; побольше мальчиков, вагоны и цистерны мальчиков, танкеры и товарняки. Она жрет их сырыми, без перца и соли. Жрет и выплевывает. Не брезгует никем, трахалась даже с нашей уборщицей, а он, между прочим, таджик-нелегал.

Таджик-нелегал добил меня окончательно.

Мне не хватило бы и сорока реинкарнаций, чтобы заслужить такую зубодробительную, такую волнующую кровь характеристику. Бедная **Элина-Августа-Магдалена-Флоранс**, лапуля, на твоём полустанке никогда не остановится ни один вагон, ни одна цистерна, ни один товарняк; они даже не замедлят ход, и максимум, что ты можешь себе позволить, – махать газовым шарфом, пока они не скроются из виду. Так думала я, и так, должно быть, думал Тимур. Я совершенно не интересовала его, я не годилась и для скоропали-

тельного, ни к чему не обязывающего редакционного флирта, это было видно невооруженным взглядом, тогда зачем он предложил мне пойти покурить? Зачем сказал, что мои несмелые затяжки так эротичны?..

Затем, что он влюблен в немецкую овчарку и дьяволицу. Безответно.

Иначе он ни за что бы так не распался, не стал бы лить помой на свою начальницу первому встречному, хотя бы из чувства субординации и самосохранения. Безответная любовь – другое дело, только она заставляет людей генерировать глупости, совершать глупости и нисколько не заботиться о последствиях, к которым глупости рано или поздно приводят.

– ...Немецкая овчарка? Занятно.

– И я еще слабо выразился. И возможно, ошибся в определении породы...

– Афганская сторожевая?

– Может быть.

– Русская сторожевая?

– Может быть.

– Волкодав?

– Не исключено.

– Все это впечатляет, – процедила я. – Сколько лет знаю свою тетку, а с этой... м-м... кинологической стороной ее натуры не сталкивалась.

– Значит, босс – твоя тетка? – Не то чтобы это известие

повергло Тимура в шок, но он заметно посерел и почти слился по цвету с брезентовым шлангом на пожарном щите.

– Ага. Говорят, что мы похожи.

Несколько секунд божество скользило глазами по моему лицу (до сих пор так пристально на меня не смотрел ни один мужчина), потом глаза спустились ниже, прямо в объятия пиджака сомнительной фирмы и блузки сомнительного качества. Единственное, что еще может спасти мой имидж, – итальянские модельные туфли на запредельном каблуке, подарок мусика. Внеплановый подарок, нужно сказать. Он был вручен *лапуле* со скрежетом зубовным: если бы ноги мусика не опухали по весне, она ни за что не рассталась бы с этим произведением обувного искусства.

– Ни хрена не похожи, – вынесло вердикт божество, проигнорировав туфли.

– Неважно. Но я обязательно ей передам столь лестные высказывания подчиненных. Думаю, она порадуетя.

– Еще бы не порадуетя. Будет счастлива без меры.

Произнеся эту фразу, Тимур надолго замолчал. Я тоже молчала, сосредоточившись на том, как бы не свалиться в обморок и не исторгнуть из организма все свои эротические затыжки, приправленные гарниром из скромного академического завтрака: рогалик, подгоревший тост и два яйца всмятку. Больше всего мне хотелось, чтобы божество испарилось, исчезло, убралось куда подальше вместе с шикарными волосами и несбыточными трамвайными мечтаниями о русской

сторожевой. Ведь если сейчас я облажаюсь, то и на моих собственных, возникших на пустом месте мечтаниях о божестве придется поставить жирный крест. *Ее вырвало на ведущего сотрудника журнала* – хорошо же начинается моя карьера в попсовом издании «Город и ночь», нечего сказать!..

Но Тимур и не думал отлипнуть от меня, напротив – принялся запихивать в мое штормящее нутро новые и совершенно бесполезные сведения о концепции журнала и о том, что бы ему хотелось изменить в этой гребаной концепции, и в оформлении, и в подаче материала, и в штатном расписании заодно. Дальний умысел божества был ясен до неприличия: реабилитироваться в глазах нежданной родственницы хозяйки, а заодно показать себя болеющим за дело специалистом.

– Вообще-то я пошутила. Никакая я не племянница... – Саморазоблачение выглядело такой же нелепостью, как и предыдущее самозванство. Но иного способа остановить поток сознания Тимура я не видела.

– Не племянница? – тут же осекся он.

– И даже не седьмая вода на киселе.

– Тогда... погоди, я сам угадаю. Ты – сестра ее любовника.

– Вообще-то я была единственным ребенком в семье.

– Двоюродная сестра ее любовника. – Воображение музыкального обозревателя «Города и ночи» не отличалось особым разнообразием.

– Тоже вряд ли. Девушка с улицы – так будет точнее.

Тимур наконец заткнулся и посмотрел на меня с видимым облегчением. И позволил себе улыбку – о, что это была за улыбка!.. Я бы смирилась и с сексистски-шовинистическим оскалом («*все бабы дуры*»), и с мимолетной тенью профессионального превосходства («*все секретутки – безмозглые твари*»), – но как мириться со сверкающим, ослепительным, в тридцать два зуба, проявлением жалости?

– Долго ты здесь не продержишься. Она тебя выпрет, вот увидишь. Предыдущих дамочек хватало максимум на две недели. После чего их уносили через черный ход. С самооценкой, упавшей до нуля.

– Через *этот* черный ход? – Я постучала костяшками пальцев по заколоченной двери.

– С чувством юмора у тебя напряг, – после минутного молчания констатировал Тимур.

– Зато все в порядке с чувством врожденной грамотности, – подняла указательный палец я.

– Не думаю, что этого будет достаточно.

– Посмотрим.

Внутри меня уже зрела ярость, постепенно вытеснявшая тошноту. К чему пристегнуть нежданные откровения Тимура?.. Мое воображение было куда более богатым, чем его собственное, оно тут же начало рисовать самые неприглядные картины из жизни собачьего приюта «Город и ночь». Бал здесь правит немецкая овчарка, она же устраивает бои,

на потеху местной (исключительно мужского рода) публике. Организовывать букмекерские конторы и делать ставки – бессмысленно: немецкая овчарка *выигрывает всегда*. Вопрос лишь в том, как долго может продержаться залетный шпиц, залетный тойтерьер, залетный пуделек карманного формата.

Если верить старожилам – не больше двух недель.

Остается лишь правильно истолковать понятие «самооценка, упавшая до ноля».

...Редакционная действительность оказалась еще более отвратительной, чем виделось мне в воображении, Тимур не соврал. И это притом, что мужской костяк журнала не внушал ничего, кроме симпатии: да-да, они были милягами, эти проводники по джунглям большого города, клубные и книжные обозреватели, спецы по ресторанному и кинематографическому меню, псевдоэкстремалы, псевдопутешественники, постмодернисты, невинные адепты «Live Jornal», платных порносайтов и Чака Паланика. Они были милягами – все как один, включая уборщицу с овечьим неприметным шиком именем Гаро.

– Это тот самый таджик-нелегал? – спросила я как-то у Тимура.

– Это – совсем другой человек, но тоже нелегал. Держись от него подальше. А лучше – вообще не заговаривай.

Я вовсе не собиралась приближаться к всегда услужливому, всегда улыбчивому тихушнику Гаро, но на всякий слу-

чай спросила:

– Близкие контакты с ним опасны для жизни?

– Что-то вроде того, – ответил Тимур, как мне показалось – довольно уклончиво.

– На него положила глаз немецкая овчарка?

– Это было бы полбеды. Он сам на кого хочешь глаз положит, а глаз у него... – Тимур приблизил ко мне свои шикарные волосы и зашептал: – Глаз у него нехороший. Даже овчарка его избегает.

Овчарка, поджимающая хвост при виде совершенно безобидного нелегального мигранта, – это было ново.

– Что же она его не уволит?

– Боится. Уволишь его – а завтра тебе на голову кирпич свалится. Такие случаи уже были.

– С кирпичом?

– Образно говоря...

Вот как. И у всесильной овчарки есть слабые места. Не отмеченные на карте, где безраздельно властвуют Вена, Зальцбург и Куршевель. Я торжествовала, я дала себе слово тотчас же как следует познакомиться с Гаро, имеющим странную, не подчиняющуюся никакой логике власть над редакцией попсового журнала «Город и ночь».

– И это еще не все, – продолжил Тимур. – В его присутствии вся работающая оргтехника выходит из строя, а в компьютерах пропадают файлы и папки. Неделю назад наш фотограф Евгений попросил его не шастать в лаборатории в ра-

бочее время...

– И?

– И загремел в больницу с почечной коликой. На следующий же день.

– Совпадение, – неуверенно сказала я.

– Хочешь знать, что произошло с театральным критиком, который обратился к Гаро с почти аналогичной просьбой не выгребать мусор из его корзины? – Голос Тимура понизился до загробного шелеста.

– Не имею ни малейшего желания. – Мне почему-то хотелось не то чтобы знакомиться с демонической уборщицей, а даже просто попадаться ей на глаза.

Тем более что вновь открывшееся знание, а лучше сказать – редакционный миф о нелегале-оборотне не прибавил мне никаких преимуществ в молчаливом противостоянии с Первым Лицом. А оно было полно решимости сжить меня со свету, отравить существование, добиться того, чтобы меня вынесли через черный ход с самооценкой, упавшей до ноля.

И зачем только с подобными установками вообще заводить себе секретаршу?

Чтобы жить вечно.

Доказывая всем (мужчинам – по умолчанию), что право на безраздельное господство над миром имеет только она – победительная, хорошо упакованная куршевельская стерва. И никакой возраст, никакие жизненные обстоятельства этого не поколеблют.

Для начала Первое Лицо положило мне на стол список дресс-кодов на все случаи редакционной жизни: их я должна была придерживаться, дабы эстетические чувства овчарки находились в равновесии. В списке значилось около десяти слабо поддающихся расшифровке позиций. От всех этих «А5», «Cocktail Attire», «Black Tie», «White Tie – UltraFormal»... голова моя пошла кругом, апофеозом же стал последний пункт.

«**ВВ**» значилось в нем.

«ВВ» было безжалостно отчеркнуто начальственным ногтем, что автоматически делало его руководством к действию. Тимур, к которому я обратилась за консультацией, робко предположил, что «ВВ» может являться аббревиатурой группы «Вопли Видоплясова». Или группы «Бэкстрит Бойз». Или – инициалами Барни Бигарда, кларнетиста.

ProBaBly³.

Хотя не исключено, что речь идет о *Belle du Berry*, феерической солистке феерического приджазованного коллектива «Paris Combo», в России он пока не гастролировал и на лицензионных дисках выпускался ограниченным тиражом.

«*Внутренние войска*», – выдвинул догадку простодушный Джамка, спортивный обозреватель.

«*Брижит Бардо*», – выдвинул догадку продвинутый Семен, кино- и телепросветитель.

«*Benzylum benzoicum*», – выдвинул догадку ответственно-

³ Возможно (англ.).

ный за рубрику «Здоровье и красота» Андрей Андреич по кличке «доктор Франкенштейн».

Последний вариант пронзил мое сердце навывлет – особенно если учесть, что за впечатляющей, почти классической латынью скрывался бензилбензоат, средство по борьбе с чесоточными клещами.

Но что на самом деле имел в виду острый, как бритва, начальственный ноготь?

Что я должна выглядеть, как чернокожий Барни? Владеть аккордеоном и сводить с ума тоскливых яппи подобно *Belle*? Стеречь подступы к главному кабинету редакции со рвением лагерного вертухая? Соорудить на голове конский хвост *a la* Брижит Бардо?.. Чесоточные клещи однозначной трактовке не поддавались и потому были особенно оскорбительны.

В конечном итоге я решила спустить все дело на тормозах и наплевала на листок.

– Вы не слишком-то исполнительны, – высказалось Первое Лицо где-то дня через два.

– Я просто не совсем поняла, что означает ВВ...

– Почему же тогда не уточнили?

Шла бы ты... мысленно послала я Первое Лицо, вперившись в мочку ее уха (там сверкал бриллиант, заполучить который можно было, разве что продав палестинцам нехилую партию стрелкового оружия), *шла бы ты, сука, немецкая овчарка, дьяволица!*.. Злость была совершенно напрасной, *неконструктивной*, как выразилась бы мусик, – тем бо-

лее что за ней ясно вырисовалось осознание того, что немецкая овчарка уж точно может позволить себе отправиться куда угодно. В любую точку мира и в любое время. Без унижительных прикидок, всегда сопутствовавших мне: Египет или остаться на зиму без новых сапог? Турция или навсегда позабыть о кухонном комбайне?

Нет вещи более желанной и менее функциональной, чем кухонный комбайн.

Первое Лицо скроило подобие гримасы, как если бы увидело чесоточного клеща в складках платья от Армани, ***ВВ*** *означает Business Best, милочка.*

Милочка. Хорошо, что не лапуля.

Для справки: Business Best – самый строгий и дорогой деловой костюм: серый, синий или бежевый, белая блузка, прозрачные чулки телесного цвета, туфли – соответственно черного. Либо – особый шик – цвета костюма.

Ха, как сказал бы Тимур! Чтобы соответствовать этим требованиям, мне придется отказаться не только от Египта и Турции, но и от рогаликов и яиц всмятку, и от пищи вообще, а в перспективе – прищипилить мусика, хотя не факт, что вся ее недвижимость, драгоценности и счета в банке перейдут ко мне по наследству. Конечно, можно обойтись без смертоубийства и обратиться к мусику напрямую, со смиренной просьбой о вспомоществовании, но... Я точно знала, что из этого ничего не выйдет, см. пункт б) хартии о взаимоотно-

шениях детей и родителей.

– А на вашем месте мне бы и в голову не пришло взгро-
моздиться на такие каблуки, – продолжило словесную экзе-
куцию Первое Лицо.

– Почему же?

– Потому что вы в редакции журнала, а не на панели.
Впредь будьте любезны...

Впредь я должна быть любезна появляться в редакции
на гораздо более удобоваримых каблуках. Что-то около 3–5
сантиметров, что соответствует дресс-коду «ВВ», но не име-
ет никакого отношения к моей весьма скромной (Маноло
Бланик впал бы в уныние) коллекции. Она состоит из двух
пар разбитых кроссовок, пары болгарских мокасин, вьетна-
мок времен культурной революции, псевдозамшевых бот-
фортов времен падения Берлинской стены и войлочных пол-
лусапог «прощай, молодость». Я приобрела их в стоковом
магазинчике у Сытного рынка – в надежде, что когда-нибудь
буду выгуливать в них собаку породы доberman.

Доberman – вот чего не хватало мне для полного счастья.

Доberman послужил бы шикарным дополнением к акаде-
мической двушке, он придал бы *лапуле* чувство уверенности
в себе – а его, как известно, никаким чувством врожденной
грамотности не заменишь. Впрочем, спустя неделю пребы-
вания на посту секретарши Первого Лица я уже глубоко со-
мневалась в своей врожденной грамотности. И начала делать
ошибки в расстановке запятых, и даже была не в состоянии

набрать слово «презентация», не сверившись с электронным словарем.

И это притом, что с «презентацией» (наряду с «party», «премьерным показом» и «хочешь узнать всё о ночном Петербурге?») я встречалась по сто раз на дню, выуживая намеки и прямые ссылки на них из вороха проспектов, приглашений, официальных писем и флайеров (доставлены с курьером) и из полуофициальных писем, неофициальных писем и спама (присланы по электронной почте). На сортировку этой лабуды и составления отчетов по ней, на сочинение глубокомысленных пресс-релизов и ответов на дурацкие звонки уходила львиная часть времени.

А времени на *покурить с Тимуром* почти не оставалось, что угнетало меня больше всего.

Этот парень вполне релевантен по саунду, – вскользь упоминает Тимур о каком-то неведомом мне альтернативщике; этот парень гонит псевдофолк – еще об одном; эти – помещаны на монотонном психоделическом попе с элементами краутрока и синкопами в стиле П.Дж. Харви, и еще что-то об анонимной, но в то же время рьяной акустике. После столь мудреных высказываний я начинаю чувствовать себя вечной вдовой Jay-Jay Johanson, отбросившего коньки где-то на заре палеолита.

А все потому, что Тимур мягко намекнул мне: трип-хоп – вчерашний день, не позорься, Ёлка.

«Ёлка» и «пошли, покурим» – самое понятное, самое че-

ловечное из всего набора, которым потчует меня Тимур, и хотя он ни разу дружески не целовал меня при встрече подобно остальным сотрудникам, я все еще надеюсь, что у нас рано или поздно возникнет роман.

Или он пригласит меня на кофе после работы, как это трижды делал Джамка и дважды – Семен. Очень взрослый Андрей Андреич Франкенштейн тоже отметил, а когда я отказала ему – принес бумажку с адресом сайта **«Реальные знакомства в Норвегии»**: я ему очень симпатична, объяснил Андрей Андреич, и он волнуется о моей судьбе, а хотите, я устрою вам годовой абонемент в фитнес-клуб, Ёлка?..

Устрой мне Тимура, мысленно сказала я, устрой мне Тимура – и будешь шафером на нашей свадьбе. Посаженым отцом, посаженной матерью, кем там еще?

Кем угодно.

Неотвязные, горячечные мысли о Тимуре заставляют меня делать глупости: я часами простаиваю перед витриной салона свадебных платьев, подбирая подходящее; я не пропускаю тренировок по выкуриванию двух сигарет кряду, а в будущем собираюсь довести их число до пяти; я до одури слушаю группу «Electrelane» и группу «Friends of Dean Martinez», они вполне *релевантны по саунду*, но лично у меня ничего, кроме изжоги, головной боли и приступов тошноты, не вызывают. Не исключено, что тошнота все же связана с курением, – как бы там ни было, я согласна пострадать.

Чтобы Тимур задержал на мне взгляд чуть дольше, чем на

брезентовом шланге и бутафорском багре. Чтобы он позвал меня на самый заваливающий орен air, на фестиваль джазовых импровизаций (вход по приглашениям) или на концерт Земфиры в Ледовом. На Барни Бигарда и *Belle du Berry*, стоит ли ожидать их приезда в Россию в обозримом будущем?

He stouit, поясняет мне Тимур, тем более что Барни Бигард давно умер.

Никакого оупен эйра мне не обломится – это ясно, как божий день.

Муки мои настолько непереносимы, что и холодное презрение Первого Лица не в состоянии их усугубить. А в самый разгар любовной трагедии планетарного масштаба я получаю черную метку:

– С завтрашнего дня можете не утруждать себя посещением редакции, – заявляет мне Первое Лицо.

– Что так? Журнал сворачивает свою деятельность?

– Свою деятельность сворачиваете вы, моя дорогая.

«Моя дорогая» звучит, несомненно, не так поганно, как «милочка», за месяц работы я эволюционировала, но сути дела это не меняет.

– Я уволена?

– Да. Вы не справились с работой и разочаровали меня. Как секретарь вы безнадежны.

Ну да. Безнадежна. Немецкая овчарка, ненавидящая (опять же – по умолчанию) всех остальных, ныне здравствующих сучек детородного возраста, не так уж не права. Я про-

воронила выставку культового летописца моды Сесила Битона, я положила под сукно несколько нужных овчарке приглашений и проигнорировала с десятков важных звонков, не говоря уже о дресс-коде «ВВ». За мной также числятся грешки поменьше, связанные с презентациями, party и премьерными показами, на которые овчарка так и не попала.

Так тебе и надо.

Так тебе и надо, стерва, мстительно думаю я, но вслух произношу лишь краткое:

– Вы не могли бы написать мне рекомендательное письмо?

– Если я напишу вам рекомендательное письмо, то вас не примут даже уборщицей на скотобойню.

Уборщица на скотобойне. Об этом стоит подумать.

Уборщица на скотобойне, способная поддержать на должном уровне беседу об анонимной, но в то же время рьяной акустике, – такой человеческий тип наверняка заинтересовал бы Тимура, встретиться мы где-нибудь на нейтральной территории. В стилом кафе, где за столиками все сидят по одному. На платформе метро. В трамвайном вагоне, приспособленном для мечтаний о любви, ездит ли Тимур в трамваях? Доподлинно это неизвестно: мы ни разу не выходили из редакции вместе, у Тимура чутье на подобные вещи. Он *сливается заранее*, я ни разу не обнаруживала его в конце рабочего дня, сколько ни пыталась.

Я больше не увижу его.

Не обнаружу. Нигде. Кроме курилки редакции журнала

«Город и ночь», расположенной в конце коридора. Но с завтрашнего дня у меня не будет повода наведываться туда. Я уволена, уволена! Чертова овчарка, чертов дресс-код, чертов Сесил Битон, а может, все дело совсем не в Сесиле Битоне? А в том парне?

В нем не было ничего особенного, ничего выдающегося: обыкновенный смазливый недоумок, из тех недоумков, которые от скуки и скудости мозгов становятся стриптизерами, фотомоделями, мальчиками по вызову и охранниками в супермаркетах. Его куцые, загеленные волосенки не шли ни в какое сравнение с роскошной шевелюрой Тимура, и при этом он совсем не выглядел скромником. Напротив, человеком, который пришел сюда взять то, что ему причитается по праву.

– Мне нужен директор агентства, – сказал он, нарисовавшись прямо перед моим столом.

– Агентства?..

Я не сразу сообразила, какое агентство он имеет в виду. Должно быть, речь шла о модельном агентстве, о чем же еще? Куда податься таким смазливим и скудоумным? – только в агентство, только на подиум. Тимур как-то проболтался мне, что овчарка содержит еще и агентство, питомник для таких вот никчемных человеческих типажей.

– Вообще-то здесь не агентство. Здесь находится редакция журнала... – начала было я, но тут же заткнулась.

В дверях своего кабинета стояло Первое Лицо. Стояло

и неотрывно пялилось на парня. Парень тоже воззрился на него. Мизансцена была та еще, а через долю секунды на физиономиях обоих возникло вполне определенное выражение.

Как бы нам перепихнуться, да позабористей – легко про читывалось во взглядах. Подобные, сконцентрированные до последней возможности взгляды я видела лишь в кино (преимущественно французском) и даже представить не могла, что столкнусь с ними в жизни. И вот, пожалуйста, – столкнулась.

Надо бы побыстрее слинять отсюда, помнится, подумала я, слинять куда-нибудь подальше: в курилку, в Финляндию, в ближайший ларек, где торгуют шавермой, но курилка все-таки предпочтительнее. Я бы и отправилась в курилку, если бы не знала, что Тимура там нет. Точно нет. Потому и осталась за своим столом – совершенно зря, как оказалось впоследствии.

Ведь им хотелось перепихнуться, прямо здесь, не сходя с места, в крайнем случае – едва захлопнув за собой дверь кабинета, а стены здесь тонкие, и к тому же я проявила свою обычную несообразительность. Нерасторопность, полное непонимание ситуации. Итог неутешителен: я уволена и больше не увижу свое божество.

И Сесил Битон здесь ни при чем.

Я и правда больше не видела Тимура.

Все три года, прошедшие после Города. После Ночи.

Поначалу боль от потери того, кто никогда мне не принадлежал, была достаточно сильной. Поначалу я даже не могла спать, потом – могла, но часто просыпалась: от недостатка воздуха, от свинцовой тяжести в груди, да и собственный рот казался мне забитым волосами божества. Со временем боль прошла, осталась лишь стойкая идиосинкразия на свадебные платья самых разных фасонов, на альтернативную и не очень музыку, а уборщицей на скотобойню я так и не устроилась.

Впрочем, во всем этом были и положительные моменты: воссоединение с темно-вишневой ликерной бумагой для самокруток, например. Теперь я могла запросто купить ее, а заодно и мелко нарезанный табак на выбор: ванильный, шоколадный или original без отдушек. Теперь я сама, без помощи машинки, крутила такие безупречные, лишенные малейшего изъяна сигареты, что впору было организовывать мастер-класс. И плевать мне было на мусикины страшилки, в которых я загибалась от рака легких.

– Не мешало бы тебе составить завещание, лапуля, – не раз говорила она во время наших посиделок в кафе на Австрийской. – С твоими темпами курения ты и до ближайших Олимпийских игр не доживешь.

– Летних или зимних?.. – уточняла я. – И на чье имя мне его составлять?

– На мое, лапуля, на мое. Или есть еще кандидаты?

– Кандидатов нет, но и тебе не стоит раскатывать губу. – В этом месте я обычно осеняла мусика клубами ароматического дыма. – Квартиру ты не получишь. Отдам ее муниципалитету.

– И это ты говоришь мне после того, как я родила тебя в муках? Неблагодарное чудовище, – вздыхала мусик. И отправлялась к стойке за очередной порцией слабоалкогольного коктейля.

Насчет кандидатов я слегка подвирала: кандидаты были всегда. Они болтались где-то на линии горизонта, и я в любую минуту могла приблизиться к ним, выбрать подходящего и ввести его под своды академической двушки. Именно это я и проделывала время от времени: приближалась к их флотилии с закрытыми глазами, хватала первого попавшегося и волокла на буксире в тихую петроградскую заводь. Прекрасно осознавая, что в конечном итоге кандидат окажется альфонсом, бывшим зэком или безработным поэтом-неудачником.

Ничего общего с Jay-Jay Johanson.

Не говоря уже о божестве.

Все мои квелые романы и романчики длились не дольше месяца-двух, после чего я с легким сердцем отправляла кандидата в отставку и сосредотачивалась на работе в

очередном издании. Корректор, младший редактор, технический секретарь, не обремененный проблемой дресс-кода, и снова корректор – этапами большого пути это не назовешь. Зато никаких хлопот, никаких треволнений, никакой упавшей до ноля самооценки, а чувство врожденной грамотности всегда позволит мне держаться на плаву. Правда, однажды мне предложили должность корреспондента с перспективой роста. И я всерьез раздумывала над этим предложением, но только до тех пор, пока не узнала, что в офисе потенциального работодателя (микроскопической газетенки «TV + Glamour») отсутствует выделенная линия Интернета.

Назвать себя интернет-зависимой означало бы сильно покривить душой.

Особой зависимости не существует и никогда не существовало, но мне просто необходимо знать, что в любое время я могу получить доступ на сайт **«Реальные знакомства в Норвегии»**. В момент, когда тоска по утрате божества была особенно невыносимой, я вспомнила о наводке д-ра Франкенштейна и ринулась в виртуальные фьорды. Не с целью найти потенциального спутника жизни, вовсе нет. С моим счастьем мне все равно достанутся норвежские эквиваленты альфонсов, зэков и поэтов-неудачников.

Нет, особой цели не было. Я делала это ради развлечения. Просто так.

Спорадическое забрасывание невода в Интернет даром не прошло. К концу первого года я уже всю переписывалась

с Сигурдом из Кристиансунна и Эдвардом из Кристиансанна. Затем к ним прибавились Петер-Андреас и Бьернстьерне-Мартиниус (оба из Осло). Были еще Нурдаль и Сольнес, преуспевающие бизнесмены 32 и 33, как они утверждали, лет. Причем Нурдаль, нимало не смущаясь, прислал мне фотографию молодого Марлона Брандо, выдав ее за собственную. А Сольнес отделался снимком Брэда Питта.

Они меня за дуру, что ли, держат?

В качестве ответного жеста я выслала им обоим наскоро состряпанное портфолио Одри Хепберн. К портфолио прилагалось письмо, начинавшееся словами: **«Дорогой Марлон/Брэд! Отправляю тебе несколько своих фоток, в том числе – в купальнике, как ты и просил. Я, конечно, не красавица...»**

После этого Нурдаль и Сольнес навсегда растворились в просторах Сети, но что делать с оставшимися? Они тоже присылали мне карточки, и теперь я вовсе не была уверена, что на них изображены именно Сигурд, или Эдвард, или, мать его, Бьернстьерне-Мартиниус. И потом, все мои норвежцы были подозрительно молоды, подозрительно богаты, подозрительно хороши собой – и зачем только при наличии столь внушительных достоинств шастать по Интернету в поисках родственной души? Тем более – русской?..

Старые хрычи, думала я, старые норвежские хрычи, порносектанты, секс-туристы со стажем, сластолюбцы-маркшейдеры, извращенцы-горнорабочие, похотливые флотские

отставники. Относительно честным оказался лишь Петер-Андреас. Он написал, что ему 56 и что он арендует маленькую квартирку на окраине Осло, собирает марки, раньше работал на буровых, а теперь вышел на пенсию; что ему всегда нравилась русская культура, и русская музыка, и в особенности – композитор Бедржих Сметана. И что он был бы несказанно рад, если бы молодая стройная russian girl до тридцати скрасила его досуг. А со временем (чем черт не шутит) стала бы его женой.

Сиделкой, тут же решила я, сиделкой, милый мой, при тебе – пятидесятишестилетнем. Или, может, все-таки – шестидесятипятилетнем? случайно спутать цифры, поменять их местами – эка невидаль, с кем не бывает, а Бедржих Сметана вовсе не русский композитор, а чешский.

Так-то.

Петеру-Андреасу я послала фотографию бывшего американского госсекретаря Мадлен Олбрайт с уже традиционной припиской «**я, конечно, не красавица...**», после чего наше интернет-общение увяло само собой.

А потом появился Джей-Джей.

Именно так: *Jay-Jay!* Я не поверила глазам, когда увидела это имя в конце небольшого послания. В отличие от остальных (англоязычных) посланий, *Jay-Jay* писал на русском. Со множеством странных, но трогательных речевых оборотов, со множеством ошибок, которые почему-то не хотелось править.

Именно так: мое врожденное чувство грамотности молчало как убитое.

Jay-Jay не требовал от меня фотографий в купальнике и без оно, он вообще не требовал фотографий и не слишком-то интересовался моей внешностью и моим возрастом. «Мне показалось что вы печальны и вы грустите», – написал он после того, как мы обменялись первыми электронными сообщениями. Написал не сразу, а едва ли не через неделю: «наверное сейчас вы думаете что большинство кафе заполнено столиками за которыми все сидят по одному, но это не совсем правда».

Столики в кафе.

Кое-какие мои мыслишки и правда относились к столикам в кафе, но, помнится, никогда так и не были озвучены. И вот теперь какой-то норвежец...

Просто сумасшествие какое-то.

Jay-Jay очень быстро перестал быть «каким-то норвежцем». Он стал другом – не близким, но желанным. Как-то само собой получилось, что я рассказала ему о себе. Все или почти все. Мои письма становились все длиннее, теперь они смахивали на вполне законченные рассказы, а я – на литературного новичка, который жаждет одобрения своих опусов. И *Jay-Jay* не скупился на похвалу, хотя писал вдвое реже и вчетверо короче, чем я сама. Избранные места из нашей многомесячной переписки выглядели примерно так:

Я: у вас прекрасный русский, Джей-Джей...

Жай-Жай: совсем не такой прекрасный, но мне хотелось бы овладеть им в совершенстве. Совершенство – вот чего я всегда пытаюсь добиться.

Я: вы, наверное, как-то связаны с литературой? Вы переводчик?

Жай-Жай: нет мне просто нравятся языки. Много новых языков. Я уже изучил три европейских и один африканский. Йоруба – так он называется и он прекрасен. Теперь наступило время русского и я намерен проникнуть в самые его глубины. Вы ведь поможете мне почувствовать его?

Я: как странно... почему вы решили, что я подхожу для этой цели?

Жай-Жай: ваша визитка на сайте. Она такая безупречная. Каждая буква на месте, ни убавить ни прибавить – так ведь говорят русские? Я специально сверялся со словарями – вы не допустили ни одной ошибки...

Я: просто у меня хорошо развито чувство врожденной грамотности. Не знаю, как это объяснить, но когда я вижу неправильно написанное слово, я просто заболеваю. Озноб, головная боль и все такое.

Жай-Жай: это чудесное чувство. Лучшее чувство на свете. Я потрясен. Потрясен.

«Озноб, головная боль и все такое» – я, конечно, преувеличивала. Но и *Жай-Жай* преувеличивал тоже. Свою зависи-

мость от языков, во всяком случае. Откровенная и неприкрытая, она временами казалась мне проявлением некоей плохо изученной специалистами и почти не встречающейся душевной болезни. Но думать о том, что милый *Jay-Jay* испытывает какие-то трудности с разболтавшейся психикой, мне вовсе не хотелось. Тем более что во всем остальном – что не касалось языка или языков – он был абсолютно адекватен. Точен. Тонок. Нежен. Он был смешным и забавным, если нужно. Он мог дать совет. Мог утешить. Порой мне казалась, что, несмотря на разницу в ментальности, он понимает меня, как никто.

Определенно мне повезло.

Друг по переписке из прекрасного далека – разве не об этом мечтает каждая романтически настроенная девушка? Разве не об этом мечтала я сама?.. Примерно через год не слишком интенсивного, но полного мелких радостей общения в Сети выяснилось, что *Jay-Jay* работает корректором в крошечном издательстве, выпускающем литературу pop-fiction. Нудные многостраничные справочники, научные статьи с массой плохо запоминающихся терминов, технические энциклопедии – бедняжка *Jay-Jay*, и как только он справляется со всем этим? Наверное, хорошо.

Во всяком случае, ему ничего не хотелось менять в своей жизни. Так же, как и мне. Перспективы карьерного роста его не интересовали. Так же, как и меня. Он просто со вкусом втягивал воздух в легкие – где-то там, в своей испещренной

фьордами Норвегии. Он лакомился самыми разными языками, пробовал их, срывая с упругих веток. Так же, как и...

Нет-нет, совсем не как я.

Тут-то и начинались разночтения. Я совсем не была похожа на *Jay-Jay*, если вынести за скобки славное корректорское настоящее. Иностранные языки интересовали меня мало – в то время как *Jay-Jay* был от них просто без ума. *Jay-Jay* за три версты обходил вопрос о взаимоотношениях полов, в то время как меня этот вопрос волновал чрезвычайно.

И потом...

Jay-Jay даже не пытался флиртовать. И не пытался заинтересовать собой в качестве мужчины, корректора, любителя ковбойских шляп, похитителя велосипедов, изобретателя запонок, – и что он только делает на сайте знакомств?

Изучает русский в виртуальной компании *russian girl*.

К концу второго года я настолько осмелела, что к общелингвистическим и общекультурным вопросам, к вопросам географии и топонимики стала подмешивать личные. В разумных пропорциях, конечно.

Я: вас и правда зовут Джей-Джей?

Jay-Jay: да. Это мое настоящее имя. Спросите у снега за окном и он вам это подтвердит.

Я: вы живете один?

Jay-Jay: совершенно один но мне нравятся кошки. Издали как и все остальное.

Я: вы любите путешествовать?

Жай-Жай: я люблю кошек. Но путешествовать наверное тоже прекрасно.

Я: а африканский язык йоруба? Вы изучили его, не побывав в Африке?

Жай-Жай: вы не поняли моя дорогая. Язык и есть путешествие. Самое лучшее путешествие на свете.

«Самое лучшее на свете» и «прекрасно» были любимыми выражениями *Jay-Jay*. Хотя и не часто встречающимися, что повышало их ценность. В игре «вопрос-ответ» пальма первенства принадлежала мне, так как сам *Jay-Jay* вопросов почти не задавал. Естественно, если дело не касалось языка. Тут за ним было не угнаться. «...Я нашел одно русское слово которое показалось мне прекрасным. Удивительным и мелодичным как если бы слушать орган под каменными сводами в пустой церкви. Это слово – «мягкошанкерный». Вы не могли бы уточнить его значение для меня моя дорогая?..»

На поиск ответа я убила две недели, с самого начала подозревая, что конструкция слова «мягкошанкерный» отдает чем-то венерическим. Так оно и оказалось: мягкий шанкр нашелся в одной из медицинских энциклопедий и был (ужас!) венерической болезнью, вызываемой (ужас-ужас-ужас!) стрептобациллой. Написать об этом *Jay-Jay* означало бы навсегда отвратить его от каменных сводов, органной музыки, а, главное, – от церкви. Взять на себя такую ответственность я не могла. И потом: «мягкошанкерный» – это все же не совсем мягкий шанкр. А за два года я хорошо изу-

чила *Jay-Jay* – ту сторону его натуры, которую можно назвать лингвистической.

Неточности он мне не простит.

Спасение пришло в виде замызганной книжонки «По ту сторону закона: история лагерной фени». Я обнаружила ее на стихийном блошином рынке, в двух кварталах от дома.

– Все по пятере, – доверительно сообщил мне ее владелец, черноземный ханыга с лицом химика Менделеева. – Дешевле только в морг попасть. А еще есть книга «Теория и практика русского секса». Тебе поможет.

– Мне уже ничто не поможет, – сказала я. И подумав, добавила: – А что, русский секс как-то отличается от любого другого? Нерусского?

– А то! – Реинкарнация Менделеева издала короткий смешок. – Посмотри на меня и сразу все поймешь.

После недолгих колебаний я взяла и «Секс» – на тот случай, если *Jay-Jay* вдруг обнаружит еще что-нибудь, не менее удивительное и мелодичное в контексте паха, фрикций и орально-генитальных контактов.

«История лагерной фени» наконец-то раскрыла мне глаза на этимологию дурацкого слова. Бывший зэк, который женится и берет фамилию жены, дабы скрыться от надзирающих органов и получить незапятнанный паспорт, – вот что означало «мягкошанкерный», русский язык и вправду богат. Непредсказуем. Прекрасен, как говорит *Jay-Jay*.

Я отправила ему подробнейшее письмо и получила на

него самый короткий за всю историю нашего общения ответ:

«WOW!»

Я: может быть, прислать вам словари русского ар-го, Джей-Джей?

Jay-Jay: вы лучше любого словаря моя дорогая. Вы и есть словарь. Самый прекрасный на свете.

Можно ли считать это началом запоздалого флирта и не пора ли попросить у *Jay-Jay* фотографию, где он наконец-то предстал бы передо мной мужчиной, корректором, любителем ковбойских шляп, похитителем велосипедов, изобретателем запонок?..

Не-а.

После двухлетнего знакомства такая просьба выглядела откровенной пошлостью, вариацией на тему паха и фрикций, и я решила пойти другим путем.

Я: почему бы вам не приехать в Россию, Джей-Джей? Не приехать в Петербург?

Jay-Jay: Меня просит об этом Элина? Элина наверняка загрустит в моей компании. Меня просит об этом блаженная Августа? В ее компании я и сам загрущу. Меня просит об этом Магдалена блистательная и своенравная как река в Колумбии? Что если ее воды сомкнутся над моей головой? Меня просит об этом Флоранс? Цветочек Флоранс?

Сукин сын.

Он и раньше присылал пространные комментарии к мо-

ему едва ли не династическому имени, и я уже тысячу раз пожалела, что когда-то, в порыве откровенности, озвучила громоздкую запись в паспорте. Но не Ёлкой же было называться, в самом деле!.. Ёлка всецело принадлежала «Городу и ночи», а Элина любила путешествия без цели на пригородных поездах. А блаженная Августа обожала кормить чаек на взморье. А блистательная и своенравная Магдалена была не дура накачаться пивом. А Флоранс, цветочек Флоранс!.. Сколько раз ее хватали за руку в тот момент, когда она пыталась вынести из супермаркета упаковку стирального порошка! – и только личное обаяние спасало ее от неприятностей с законом. В придумывании историй для всех четырех моих имен *Jay-Jay* был неутомим.

Но на вопрос о Питере он так и не ответил.

Сукин сын!..

Совсем не сукин, решила я после довольно долгих размышлений. Он, наверное, очень некрасив, бедняжка *Jay-Jay*. Он, наверное, совсем необаятелен, – не то что цветочек Флоранс! Он, наверное, страдает простатитом, безуспешно борется с аденомой, лезет на стенку от полового бессилия. Он, наверное, каждое утро рассматривает в зеркало свое лицо: побитое оспой, изуродованное шрамами, обезображенное родимым пятном. А может быть, он – калека, навсегда прикованный к инвалидному креслу?.. Такой вариант показался мне самым благородным, а потому – максимально приближенным к реальности. Однажды я даже проснулась по-

среди ночи с мыслью о *Jay-Jay*. Именно о *Jay-Jay*, а никак не о Тимуре. Я поняла это сразу, поскольку ничто не мешало ровному дыханию, и свинцовой тяжести в груди тоже не наблюдалось, и рот был совершенно свободен от привкуса шикарных волос. Бедняжка *Jay-Jay*, вот он сидит в своей маленькой норвежской комнатке, в своем норвежском инвалидном кресле, перед экраном монитора, в окружении множества словарей. Сидит – но совсем не смотрит на экран, совсем не смотрит в словари.

Он смотрит в окно.

А там, за окном, идет снег (единственный, кто может подтвердить, что *Jay-Jay* действительно – Джей-Джей). И идут влюбленные, веселые и беспечные, – пара за парой. И расхаживают кошки, которых он любит. Издали. «Издали, как и все остальное» – это были слова самого *Jay-Jay*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.